

Своя

журнал
Никиты Михалкова

НАШЛИ

И НЕ СДАЕМСЯ

Севморпуть: вчера,
сегодня, завтра

ФОТО: СЕМЕН МАЙСТЕРЯНУТАС

**Гряди спасать
царей, Суворов...**

Как граф Рымникский
стал князем Итальянским

**Направо свернешь —
к Гоголю попадешь**

Классик называл
Первопрестольную Родиной

**ММКФ покорился
«Судьбе»**

С чего начинался
Московский кинофестиваль

А. Венецианов. «Н.В. Гоголь». 1834

ОТТОГО и вся беда наша, что мы не глядим в настоящее, а глядим в будущее. Оттого и беда вся, что как только, всмотревшись в настоящее, заметим мы, что иное в нем горестно и грустно, другое просто гадко или же делается не так, как бы нам хотелось, мы махнем на все рукой и давай пялить глаза в будущее. Оттого Бог и ума нам не дает; оттого и будущее висит у нас у всех точно на воздухе: слышат некоторые, что оно хорошо, благодаря некоторым передовым людям, которые тоже услышали его чуть-ем и еще не проверили законным арифметическим выводом; но как достигнуть до этого будущего, никто не знает.

Николай Гоголь (1809–1852)

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

апрель 2019

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Если сильный с сильным лицом к лицу	26–29	Служу России
Разведка путешествиями
Николай Пржевальский — ученый,
землепроходец, стратег
3–7	Наука побеждать
Гряди спасать царей, Суворов...	30–33	Русская Евразия
Нашли и не сдаемся
8–11	Война и мир
Опасен их союз
Враждебные ветры с Запада	34–37	Родная лира
Потерянные знамена
Забытая музыка предков
12–15	На семи холмах
Направо свернешь —
к Гоголю попадешь	38–41	Стоп-кадр
Владислав Дворжецкий:
«Бег» с препятствиями
16–17	Литфонд
Огонь, иди со мной
Какие демоны
мучили создателя «Мертвых душ»	42–44	Ретроспектива
ММКФ покорился «Судьбе»
18–21	Родное слово
Дар бесценный
Освоение Набокова продолжается	45–47	Записки охотника
Лапа на память
22–25	Великие реалисты
Грозный отец
Григорий Мясоедов
и «новая» искренность	48	Трапезная
«Зачем скоромное,
если и без того все вкусно»

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

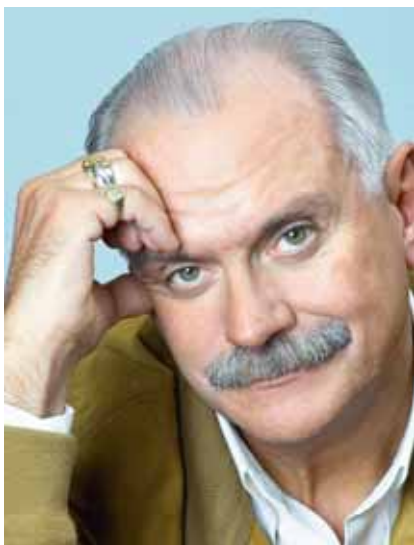
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 1850/19

Тираж 40 155

Подписано в печать 18 марта 2019 г.

Если сильный с сильным лицом к лицу

41-й Московский международный кинофестиваль второй раз пройдет в апреле, а не в июне, как это было прежде. Нам, организаторам ММКФ, такое время представляется наиболее удачным, поскольку для одних деятелей кинематографа лето — период отпусков, для других — самая горячая съемочная пора. К тому же, оказавшись поближе к началу ежегодного фестивального пути — аккурат между Берлином и Канном, — мы располагаем лучшими возможностями в плане отбора фильмов на конкурсную программу.

Преыдущий, юбилейный ММКФ завершился в целом удачно: зрители увидели немало по-настоящему интересных, содержательных картин; именитые члены жюри, многочисленные участники, зарубежные гости остались довольны и уровнем проведения фестиваля, и качеством представленной на нем кинопродукции. Нередко, особенно из уст иностранцев, звучало словосочетание «культурная дипломатия». Действительно, в разгар очередного похолодания на международной арене, такие встречи в Москве приносят огромную пользу — позволяют сохранять давнюю дружбу, взаимную привязанность в нашей всемирной кинематографической семье.

Но любые холода когда-то заканчиваются, мы же стараемся работать на перспективу. Россия, кто бы что ни говорил, постепенно возвращает себе свое основное амплуа — единственного, по сути, гаранта мирного сосуществования стран и народов, главного посредника между Западом и Востоком, что, впрочем, неудивительно, поскольку принадлежит она — географически, исторически, ментально, духовно — им обоим.

В одном из стихотворений Киплинга есть потрясающее высказывание. Его начало, казалось бы, предельно бесхитростное: «Запад есть Запад, Восток есть Восток», — а вот продолжение фразы, интерпретируемое двояко, заставляет крепко задуматься. В одном из вариантов перевода на русский читаем — «И с мест они не сойдут». Во втором — «И вместе им не сойтись». Разница — колоссальная: от уважительного признания объективных особенностей цивилизаций до выражения некой фатальной обреченности, трагического противопоставления якобы враждебных друг другу миров.

Лично мне гораздо ближе и понятнее первый вариант: основы культур, черты самобытности, давние традиции должны оставаться «на своих местах». Это — великое достояние наций, их корневая система.

Не следует стремиться быть другими, пытаться перенять чужой менталитет, слепо копировать иные взгляды и системы ценностей. Именно этот принцип, как мне видится, мы берем за основу при подготовке ММКФ — чтобы во всех наших программах, включая, конечно же, конкурсную, было как можно больше своеобразных, совершенно не похожих на все прочие кинокартин.

Что же касается знаменитой баллады Киплинга, то в классическом переводе Елизаветы Полонской она завершается риторическим вопросом:

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?*

Тут есть над чем поразмыслить, не так ли...

A handwritten signature in dark ink, appearing to be a stylized name or initials.

Гряди спасать царей, Суворов...

220 лет назад начался триумфальный Итальянский поход Александра Суворова. Россия сражалась не только за восстановление законной власти в Европе. Великий русский полководец стремился надолго обезопасить Отечество от потенциальных захватчиков.

Евгений Тростин

КНАЧАЛУ 1799-го французы после серии блестящих побед занимали большую часть Италии, обосновавшись в древних крепостях. Нашими союзниками тогда оказались даже извечные противники турки. А кроме них — Англия, Австрия и Неаполитанское королевство. Цели коалиции русские дипломаты сформулировали так: «Положить предел успехам французского оружия и распространению правил анархических; принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие». Суворов ставил перед собой еще более важные задачи — спасти христианский мир от посягательств «гиены».

От опалы к триумфу

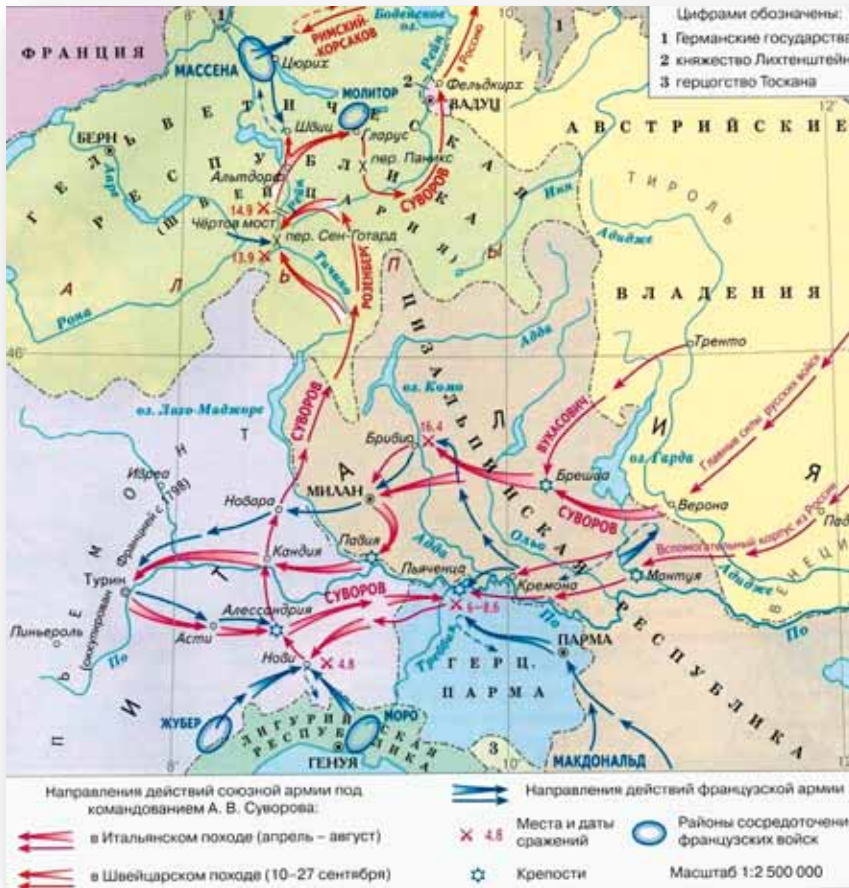
То решение о вступлении России в войну вызывает споры по сей день: а надо ли было вмешиваться в европейские потасовки; не предпочтительнее ли выглядел бы разумный изоляционизм? Возможность такой альтернативы иллюзорна. Суворов никогда не стал бы служить чужим интересам. Столкновение двух сильнейших армий мира было неизбежным. Французы познали мощь русского штыкового удара еще до своей революции (в Речи Посполитой), а польский вопрос оставался камнем преткновения для Парижа и Петербурга и после смутных событий конца XVIII века. Интересы двух держав пересекались на многих направлениях, включая османское и шведское. Франция стремилась к мировой гегемонии, и это являлось прямой угрозой для нашей страны.

Кем был Суворов в апреле 1799 года? Заслуженный старик (68 лет по тем временам — невероятно почтенный возраст), непобедимый военачальник, генерал-фельдмаршал, прошедший огонь и воду, триумфы и опалу.

Император давно знал Александра Васильевича, еще будучи наследником престола, не раз общался с этим чудаковатым генералом. Во многом они были родственными душами: оба — порывистые, эксцентричные. Однако, оказавшись на престоле, Павел Петрович попытался перечеркнуть все, что напоминало о екатерининских временах, в том числе победные традиции, к которым Суворов имел самое прямое отношение. Назревал заговор против импера-

А. КОЦЛЕВ. «БИТВА ПРИ ТРЕББИИ», 1889

тора. Фельдмаршалу предложили вести войска на Петербург, чтобы обуздать тирана. Полководец одним движением руки прервал мятежные поползновения, произнес с укором лишь два слова: «Кровь сограждан!» И — прижал палец к губам. Этого оказалось достаточно, чтобы остановить фрондеров.

Не принимал он и немецких порядков, которые навязывал армии новый царь. «Русские прусских всегда бивали, чего же тут перенимать?» — такие его высказывания стали известны императору. Результат: отставка, опала, по сути, домашний арест. В свое северное имяне Кончанское Суворов отправился под надзор некоего коллежского асессора. На полководца давили «экономически». Жена Варвара Ивановна, с которой он давно расстался, потребовала увеличения пансиона. «Мне сие постороннее», — отвечал Александр Васильевич, но в глубине души понимал, что плетью обуха не перешибешь, и, если приказывает государь, приходится подчиняться. Особо ци-

ничными были требования возместить польским магнатам убытки, причиненные во время войны, которую Суворов вел, разумеется, не по своей воле, но от имени России. Теперь же его принуждали платить по счетам, как будто в Польше он сражался не за Отечество, а ради личного интереса.

Вообще-то военачальник не раз путал личный карман с казенным, государственным — в непривычном для нас смысле. К примеру, из собственных средств расплачивался со строителями при возведении укреплений в Крыму и на Кубани.

Оказавшись в ссылке, от политики не отстранился. Его поражали и тревожили успехи молодого французского генерала: «О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! Он побеждает и природу, и людей; он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе; он спрятал в карман грозные их вершины, а войско свое затаил в правом рукаве своего мундира... Великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастие

свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, — он погибнет». Суворов понимал, что рано или поздно Бонапарт станет угрозой для нашей страны: «Ах! пора унять сего юного воина!»

Русский император был скор не только на расправу, довольно быстро сменил гнев на милость. Попытался было вернуть опального фельдмаршала в армию. Поскольку Россия в тот момент ни с кем не воевала, Суворов от такой чести уклонился. Однако в начале 1799-го и австрийцы, и англичане стали настаивать: союзную армию должен возглавить именно он.

Павел ему позволил: «Воюй по-своему, как умеешь», — и Александр Васильевич вернулся на службу. Гаврила Державин воспевал его и в дни опалы, а когда непобедимый полководец вновь приблизился к престолу, встав во главе воинства, приветственная ода не заставила себя ждать:

*Гряди спасать царей, Суворов,
Избавить царства от раздоров
И власть в порфиру облещи;
Соименитому герою
Подобно, ты рожден судьбою
Коварства узел рассеши.*

Как-то раз, проверяя компетентность офицеров штаба, царь спросил одного из суворовских адъютантов Семена Ставракова: «Какими языками владеешь?» Ответ был курьезный, зато честный: «Великороссийским и малороссийским!» Когда Павел попросил Александра Васильевича заменить «этого дурака», генерал-фельдмаршал то ли в шутку, то ли всерьез ответил: «Помилуй Бог, это у меня первый человек!»

Суворов предпочитал видеть рядом с собой людей расторопных, находчивых, знающих армию и готовых к лишениям — таких, как Семен Ставраков, а не утонченных сибаритов со знатными фамилиями. Полководец писал о себе: «Дайте дорогу моему простодушию, я буду вдвое лутче, естество мною

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

правит)... «Я всех старше службою и возрастом, но не предками и камердинерством у равных».

С тех пор Ставраков служил своего рода талисманом российской армии и ее штаба. Он не только прошел бок о бок с выдающимся начальником все сражения Итальянского и Швейцарского походов, но и участвовал едва ли не во всех битвах, в которых принимала участие Россия в период Наполеоновских войн. В армии даже родилась юмористическая, но лестная для заслуженного ветерана поговорка: «Без Ставракова воевать никак нельзя».

С ним и цесарцы воевать умели

По прибытию в Вену Суворов устроил союзникам незабываемый спектакль. Австрийцы встречали его цветами и фанфарами. Утверждают, что в ответ Александр Васильевич скандировал: «Виват, Иосиф!» Напрасно останавливал его ехавший с ним посол, уточняя, что в этой стране теперь правит Франц II, а не Иосиф, — Суворов продолжал свое, приговаривая: «Помилуй Бог, не помню!» Стремительному командующему было не до мелочей. К тому же он не упускал случая продемонстрировать независимость и от венского престола, и от военного совета — пресловутого Гофкригсрата.

Его пригласили в оперу, на «Волшебную флейту». После спектакля Суворов благодарил австрийцев: «Помилуй Бог, хорошо! Но наш полковой оркестр звучал и лучше!»

В Вене он пробыл 10 дней и на прощание получил от императора Священной Римской империи Франца инструкции по ведению первого этапа кампании. Речь шла о защите австрийских владений с постоянной оглядкой на тамошнего стратега барона Франца фон Тугута, а главной задачей ставилось оттеснение французов к реке Адде. Согласиться с этим Суворов не мог,

Павел I

Жан Виктор Моро

не для того он оставил Кончанское. А потому решил: «Кампания начнется на Адде, а кончится, где Богу будет угодно».

Когда маркиз Иоганн фон Шателер спросил его о намерениях, в ответ услышал рассеянное: «Штыки, штыки...» Русского военачальника более всего беспокоило неумение союзников побеждать за счет штыковых атак, но делиться подробными соображениями с чужеземцем он не считал нужным.

В страну, о которой грезил еще в детстве, на родину Корнелия Непота, Тита Ливия и Цицерона, туда, где маршировали легионы Юлия Цезаря, Суворов отправлялся впервые. У итальянских берегов уже действовала эскадра Федора Ушакова. Морякам удалось невозможное: они освободили от француз-

ского гнета Ионические острова, штурмом взяли мощные крепости Видо и Корфу, организовали первое за несколько веков независимое греческое государство. Фельдмаршал успел поприветствовать славного адмирала в своей манере: «Ура русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: Зачем не был я при Корфу, хотя бы мичманом!»

Федор Федорович штурмовал бастионы в начале марта. Александр Васильевич в те дни готовился к походу. В Вероне его встречала армия. Первым на глаза попался надежный, но бесхитростный генерал Андрей Розенберг. Командующий тут же к нему обратился: «Дайте мне два полчка пехоты и два полчка казаков!» Не знавший суворовских повадок Розенберг вполне серьезно ответил: мол, вся армия в вашем распоряжении. Однако фельдмаршал остался недоволен и на следующий день свою странную просьбу повторил. Розенберг снова не сумел отреагировать должным образом. Выручил Петр Багратион: «Мой полк готов, ваше сиятельство», — он сразу сообразил, что речь идет об авангарде, а Суворов привык к тому, что его понимали с полуслова. Старик просиял и расцеловал Багратиона. Краткая инструкция авангарду стала принципом всей кампании: «Голова хвоста не ждет. Как снег на голову». А кроме того, наказ — чтобы штыки у всех были острые, как шилья, иначе не побить француза.

Не советуюсь с Тугутом (зачем отвлекать столь занятого господина), Суворов перво-наперво принялся обучать австрийские части хитростям штыкового боя. Дело оказалось непростым, и тем не менее вскоре учитель мог себе позволить слегка прихвастнуть: «Со мной и цесарцы воевать умеют».

Он надеялся найти на Апеннинских союзников и обратился к местным жителям с таким воззванием: «Вооружитесь, народы Итальянские! Стремитесь к соединению под знамена, несомые на брань за

Бога и веру, и вы победоносно восторжествуете над враждебными сонмами. Для защиты Святой Религии, для восстановления вашего законного правительства, для возвращения собственности вашей сражается и проливает ныне кровь свою союзное воинство двух Августейших Монархов. Не обременили ли вас правители Франции безмерными налогами? не довершают ли они вашего разорения жестокостью военных поборов? — и все горести, все бедствия изливаются на вас под именем свободы и равенства, — свободы, которая повергает семейства в плачевную бедность, похищает у них сынов, и против воинства вашего Государя, вашего возлюбленного отца, защитника Святой Религии, принуждает их сражаться!»

Военной помощи освободителям итальянцы не оказали. Правда, приветствовали русских шумно и радушно, как, впрочем, незадолго до того французов.

Италия как прелюдия

Данное австрийцам обещание он выполнил. Первое генеральное сражение произошло 26 апреля на берегах Адды. Перед этим у французов сменился главнокомандующий: вместо Луи Шерера на итальянскую сцену вышел знаменитый генерал, достойный соперник Бонапарта Жан Виктор Моро. Суворов оценил рокировку на свой лад: «Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть». Русские и австрийцы, переправляясь через реку, наступали широким фронтом. Победа открыла им путь на Милан. Там они встретили пасхальное воскресенье.

Летом последовали победы при Треббии и Нови — одна другой ярче. Суворов разгромил французов в трех генсражениях подряд. Ни одна армия и ни один полководец не повторили этого достижения. Триумфатор был уверен: «Италия — это прелюдия... Уже из

Турина я намеревался идти через Гренобль в Лион, а оттуда — до Парижа, но прежде только покончив с Италией. Мне же в разгар моих военных операций мешает педантизм Вены». Парижские обыватели уже заключали пари, спорили о том, через сколько дней русские генералы и офицеры будут ужинать на Елисейских Полях. Австрияки этот путь преградили — не штыками, бюрократическими маневрами.

Европа выучила фамилию Суворова еще после взятия им Измаила (1790). Итальянский поход эту славу приумножил. Король Сардинии Карл-Эммануил присвоил ему княжеский титул с почетной приставкой «кузен короля», а также чин Великого маршала войск Пьемонтских. Адмирал Александр Шишков о новых суворовских успехах писал так:

*Не в латах, на конях,
как греческий герой,
Не со щитом златым,
украшенным всех паче,
С нагайкою в руках
и на козацкой кляче
В едино лето
взял полдюжины он Трой...
Одною пищею
с солдатами питался.
Цари к нему в родство,
не он к ним причитался.*

ФОТО: ЮРИЙ БЕЛИНСКИЙ/ТАСС

Памятник А. Суворову в Петербурге

Никогда не видевшие Суворова, иностранные художники рисовали его эдаким монстром, усатым солдафоном. Отражали на холстах собственные стереотипы отношения к России и ее армии. Но спрос на портреты русского полководца был столь велик, что за них выдавали даже изображения Джорджа Вашингтона.

В одной из вышедших вскоре после смерти Александра Васильевича книг завзятый поклонник Наполеона изощрялся в злословии: «Суворов был бы всего-навсего смешным шутком, если бы не показал себя самым воинственным варваром. Это чудовище, которое заключает в теле обезьяны душу собаки и живодера. Аттила, его соотечественник и, вероятно, предок, не был ни столь удачлив, ни столь жесток». Зная о подобных измышлениях на свой счет, русский гений, когда еще был жив, парировал: «У этого наемника историка два зеркала: одно увеличительное — для своих, а уменьшительное — для нас. Но потомство разобьет вдребезги оба, а выставит свое, в котором мы не будем казаться пигмеями».

Итальянская кампания резко поменяла соотношение партий в тогдашнем европейском оркестре. Для генерала Бонапарта она стала поводом к захвату власти в Париже. Во всех поражениях он обвинил Директорию и сумел возвыситься после переворота 18 брюмера. Император Павел разочаровался в союзниках и был готов к сотрудничеству с «исчадием революции», будущим императором Франции. Тех, кто мечтал о мировой гегемонии, окоротить в то время не удалось. Война в Европе продолжалась еще 15 лет.

В 1812 году на Россию навалился враг окрепший, еще более мощный. Но наученные Суворовым побеждать «чудо-богатыри» встали на защиту Отечества. Многие из них прошли вместе с генералиссимусом полный курс этой великой науки в Италии.

Война и мир

У штаб-квартиры НАТО в Брюсселе

Опасен их союз

Валерий Шамбаров

В начале апреля НАТО отмечает юбилей. Североатлантический военный блок возник 70 лет назад с единственной целью — противостоять СССР, то есть России. В этом качестве он действует и по сей день. Что касается самых ранних примеров из истории Отечества, то враждебные нам альянсы создавались еще тысячу лет назад. Символично, что в 1018 году под предлогом поддержки братоубийцы Святополка Окаянного польский король Болеслав пошел на Ярослава Мудрого войной — в союзе с Венгрией, германским императором и печенегами. А в 1123-м против Владимира Мономаха и в 1149-м против Юрия Долгорукого объединялись венгерский, польский и чешский властители.

ОРГАНИЗАЦИЕЙ более прочных коалиций занялся позже римский папа. Григорий IX в 1237-м провозгласил крестовый поход против язычников и русских. По его призыву в Прибалтику ехали рыцари со всей Европы, Тевтонский орден выступил заодно с Ливонским. Папа же помог им заключить альянс со Швецией и Данией. Делалась ставка и на прозападную «пятую колонну» в самой Руси. Вторжение началось в 1240 году и было остановлено св. Александром Невским.

Другой глава католиков Иннокентий IV расширил это объединение, вовлек в него литовцев, соблазнил королевской короной князя Даниила Галицкого. Новый крестовый поход был предпринят в 1253-м: Ливонский орден осадил Псков, Даниил и литовцы пытались взять Киев.

Впоследствии ядром таких периодически возобновлявших агрессию союзов стали окатоличенная Литва и подпиравшая ее Польша. Так, в 1480-м совместный удар по Московской державе готовили польско-литовский король Казимир IV, Ливонский орден и хан Большой Орды Ахмат. А во времена Ивана Грозного под эгидой Ватикана, усилиями иезуитов и европейских дипломатов, против

России был сформирован мощный блок, куда вовлекли Литву, Польшу, Ливонский орден, Швецию, Данию, Крымское ханство, Османскую империю. К ним примкнули немцы и венгры, поставляя наемников и артиллерию. Вводили санкции — эмбарго на поставки к нам военных товаров. Папа и европейские банкиры давали агрессорам деньги. Опять же строились расчеты на использование в России «пятых колонн».

В XVII веке из-за Реформации влияние Ватикана заметно упало. Речь Посполитая потихоньку разваливалась. Русь стала неоспоримым лидером в Восточной Европе. В Западном мире на роль лидера вышла Франция, видевшая в русских угрозу своей гегемонии, взявшая на себя миссию организатора борьбы с главным конкурентом. Швеция, Польша, Османская империя считались ее союзницами. Французы натравливали их на Россию в течение всего XVIII столетия. До прямого столкновения дошло только при Наполеоне, и тут уж вражеский альянс собрался грандиознейший: на восток двинулось «дванадцать языков» — французы, немцы, австрийцы, итальянцы, поляки, испанцы...

После гибели Великой армии Бонапарта русские вошли в Париж,

а роль лидера Запада перехватила Англия. Когда Александр I попытался создать первое подобие коллективной системы безопасности — Священный союз, британцы готовили новое антироссийское объединение с поверженными французами. Противостояние иногда было подспудным, порой обострялось, а открыто выплеснулось в Восточной войне, когда на нас обрушились Великобритания, Франция, Турция, а также — Сардинское королевство, бригады добровольцев из Германии и Швейцарии. При этом угрожала вмешаться в конфликт Австрия, оказывавшая на русское правительство дипломатическое и военное давление.

Планы врагов сокрушить и расчленить Россию были похоронены на бастионах Севастополя. Держава выстояла и продолжила усиливаться.

К началу XX века она стала главным конкурентом западных государств в промышленности, торговле, борьбе за геополитические сферы влияния. Николай II первым в мире предложил созвать конференцию по всеобщему разоружению, выработке механизмов мирного решения конфликтов. Однако его инициативы спустили на тормозах. В отношении Российской империи не прекращались политические диверсии и провокации, непрерывно велась информационная война. В 1902 году Великобритания заключила союз с Японией. Финансированием и вооружением Токио, натравливанием на русских активно занялись США. В 1904-м, когда бои наших частей с японцами уже шли, возникла Антанта — союз Англии и Франции. Изначально он был направлен против России. Правда, и ее позже зазвали в Антанту — чтобы втянуть уже во всемирную бойню. Когда союзникам приходилось туго, зывали о помощи к русским. А затем их подставляли, бросали в катастрофических ситуациях без поддержки.

Одновременно под видом друзей подпитывали политическую оппозицию, финансировали революционеров, готовили подрывные операции. Сейчас уже известно, что за организацией Февральского переворота стояли британские дипломаты и спецслужбы.

Свою антирусскую направленность Антанта в полной мере проявила в Гражданской войне, развернув грабительскую интервенцию.

Стоило нашей державе возродиться в обновленном, советском виде, как возобновилось и противостояние с Западом. В Великой Отечественной народу пришлось выдержать схватку не только с Германией, а опять-таки чуть ли не со всей Европой. Союзниками немцев выступали Италия, Румыния, Финляндия, Хорватия, Словакия, Болгария. Под знаменами Гитлера сражались полмиллиона поляков, столько же чехов, бельгийские, нидерландские, датские, норвежские, испанская дивизии, швейцарские и шведские добровольцы, а уж французов было не в пример больше, чем в эскадрилье «Нормандия—Неман». Фюрера добросовестно обслуживала вся европейская промышленность, обеспечив ему поток оружия и техники. Впрочем, можно вспомнить и о том, что для вооружения Гитлера и подготовки к войне основательно постарались США с Британией. Почти все крупнейшие промышленные компании нацистов на самом-то деле были германо-американскими.

США невиданно разбогатели на войне в отличие от разорившихся союзников и противников. После победы они выдвинулись на роль однозначного лидера Запада и сразу стали претендовать на строительство нового, однополярного мира под своим началом. Казалось, что эти замыслы были близки к осуществлению: Европа бедствовала, лежала в руинах, СССР в экономическом плане пострадал еще больше. Закрепить глобальный диктат Америки предполагалось с помощью двух планов — Баруха и Маршалла. Первый предусматривал ядерную монополию Вашингтона, второй — крупные американские займы с установлением экономической зависимости от США.

Советский Союз счел это абсолютно неприемлемым, и игры в сотрудничество сменились открытым противостоянием. 18 августа 1948 года Совет национальной безопасности США издал директиву 20/1 «Задачи в отношении России». Был принят план «Чаритотир» (при корректировках название менялось на «Флитвуд», «Дропшот»), предусматривавший нападение на СССР с ядерными бомбардировками. Начало войны намечалось на 1949-й, потом сдвинули на январь 1950-го.

В рамках подготовки к атаке в апреле 1949-го был создан блок НАТО, куда вошли США, Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Дания, Норвегия, Нидерланды, Люксембург, Португалия, Исландия и Канада.

Третья мировая, к счастью, не состоялась. Советские ученые успели ее предотвратить: в августе 1949-го над

ФОТО: MINDAUGAS KULBIS/AP/TACC

полигоном под Семипалатинском взмыл атомный гриб, СССР получил собственное страшное оружие. А ответных ударов американцы боялись, желали, как и в прежних мировых войнах, оставаться в комфорте и безопасности. Расчет Запада на кризис и развал советской экономики тоже не оправдался. Произошло чудо. Без всяких займов и иностранной помощи, героическими усилиями нашего народа, страна за одну пятилетку преодолела послевоенную разруху. Уровень производства на 73 процента превысил довоенный.

Мир стал двуполярным. Началась холодная война. Конструировались и другие антисоветские военно-политические блоки — СЕАТО, СЕНТО. Москва ответила адекватными шагами не сразу. Лишь после того, как в НАТО приняли недавних побежденных — ФРГ — была создана Организация Варшавского договора.

И все-таки холодную войну СССР впоследствии проиграл: сказались подрывные операции, осуществлявшиеся примерно теми же методами, которые использовались против Российской империи, включая информационную войну, политические и дипломатические диверсии, внедрение «западнических» убеждений, подпитку оппозиции, вербовку агентов влияния.

Казалось бы, исчезла и мифическая угроза, на которой базировался Североатлантический альянс. При распаде социалистического лагеря и Советского Союза западные лидеры охотно говорили, что, дескать, вражде пришел конец и НАТО не станет расширяться на восток. Хотя один из режиссеров холодной войны Збигнев Бжезинский вовсе не случайно заявил: на самом-то деле борьба велась не против СССР, а «против России и русского духа». Истинное предназначение

ФОТО: LANCE CPL. CODY OHIRA/ZUMA/ТАСС

ФОТО: ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВ/ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

НАТО — создать однополярную систему во главе с США. Зловещей иллюстрацией этому послужили события в Югославии с ее расчленением и бомбежками.

Россия, сохраняющая свои духовные, исторические, культурные, нравственные традиции, осталась препятствием на пути к созданию «нового мирового порядка». Стоит ли удивляться, что обязательства о нерасширении НАТО оказались быстро отброшены? Началось вовлечение в альянс недавних соцстран, бывших республик СССР — с продвижением военных баз к русским границам.

Теперь уже Западу понадобился новый идеологический фундамент, и он был создан после терактов 11 сентября 2001 года: Америка при-

звала партнеров к «глобальной войне с терроризмом». Пресловутая «Аль-Каида» создавалась при сотрудничестве с ЦРУ в ходе афганской войны с русскими. В Персидском заливе в 1991-м она сражалась против Ирака — фактически на стороне американцев. В Албании и Косово были зафиксированы связи спецслужб США и «Аль-Каиды». Даже ее лидер Усама бен Ладен, как выяснилось, проживал на территории Пакистана, активного союзника Америки. Так что и с терактами по сей день остается очень много вопросов. Однако в рамках операции «Несокрушимая свобода» в начале XXI века последовали вторжения в Афганистан и Ирак. Силы НАТО влезли на Филиппины, в Восточную и Западную Африку, даже

в Грузию, обеспечили переворот в Ливии.

Итоги интервенций вопросов вызывают еще больше. Никакой безопасности миру те операции не принесли. Наоборот, всюду посеяли хаос, спровоцировали гражданские войны. Страны, в которых побывали «миротворцы» НАТО — Афганистан, Ирак, Ливия, — превращались в мощные очаги терроризма, оттуда он расползлся по всем направлениям. То же самое едва не случилось с Сирией.

Ну а правительства, чем-либо неугодные США и их партнерам, свергаются по очень похожему сценарию «цветных революций». Таких было уже немало: «бульдозерная», «розовая», «оранжевая», «тюльпановая», «кедровая», «сиреневая», «евромайданная». Похожий сценарий готовился и для России в 2011-м, даже название было заготовлено — «снежная». Не получилось, «снежная революция» расплылась, трансформировалась в «болотную» и быстро растаяла.

К 70-летию со дня официального образования НАТО состав блока увеличился с 12 до 29 участников. Желают вступить еще четыре, дополнительно втягиваются пять. Направленность альянса уже вряд ли у кого-то вызывает сомнения. Она остается такой же, какой была изначально.

Владимир Путин на одной из пресс-конференций относительно наших геополитических перспектив сформулировал довольно четко: «И традиционные конфессии России, и ядерный щит являются теми составляющими, которые укрепляют российскую государственность, создают необходимые предпосылки для обеспечения внутренней и внешней безопасности страны».

И именно эти факторы — вера, традиции, укрепление независимой государственности — более всего раздражают Запад, вызывают его вражду. Но удивляться тут нечему, так было во все времена.

На семи холмах

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

Направо свернешь — к Гоголю попадешь

Ольга Марьяновская

В сквере старинной усадьбы на Никитском бульваре, рядом с «Домом Гоголя» — здесь объединены научная библиотека и единственный в России мемориальный музей великого писателя, — стоит знаменитый памятник работы Николая Андреева. Монумент был создан еще в 1909-м, в сотую годовщину со дня рождения Николая Васильевича.

МОСКВУ он очень любил, называл (в частности, в письме к Сергею Аксакову) Родиной, и именно в ней провел остаток своей сложной, чрезвычайно насыщенной жизни. Об экспозиции Гоголевского музея «Своему» рассказывает ее автор, дизайнер Леонтий ОЗЕРНИКОВ.

— Последние три года и два месяца жизни Николая Гоголя прошли в этом доме, у друзей — графа Александра Толстого и его жены Анны (урожденной княжны Грузинской). Подлинные интерьеры и мемориальные вещи, к сожалению, не сохранились. К 200-летию со дня рождения Николая Васильевича департамент культуры Москвы проводил конкурс на лучшую концепцию музея. Мой проект победил, а в его реализации мне очень помогли сотрудники «Дома Гоголя», проделавшие огромную, кропотливую работу по отбору материалов.

«Дом Гоголя» на Никитском бульваре

В оформлении комнат мы пытались совместить их типологическую обстановку, воссозданную по описаниям современников писателя, с превращением обычных предметов в этаких метафизических персонажей. Они как бы повествуют об особом смысле, глубинном содержании происходивших здесь событий, о внутреннем мире классика. Рассказ дополняют его дневники, переписка, воспоминания знакомых.

Духовно близкие ему супруги Толстые жили аскетично, уединенно, а сам Гоголь занимал две комнаты в правой части дома. Их изначальный, сугубо функциональный интерьер преобразован в образно-сценический. В прихожей стоит «сундук странствий», представляющий собой фантастическую стеклянную брочку, хранящую необходимые в дороге предметы, одежду, книги, карты, листы из гербария, — все, что составляло мир интересов писателя. С помощью спецэффектов передается стук колес, характерные для ночной поездки звуки, шелест крыльев пролетающих птиц и создается об-

общенный художественный образ скитаний Гоголя и его героев по необъятным русским просторам.

Проследуем в Театральную гостиную. Она обставлена старинной мебелью, подобранной в точном соответствии со временем и статусом хозяев. Здесь проходили встречи с Иваном Тургеневым, Михаилом Щепкиным, Сергеем Аксаковым, Михаилом Погодиным, Иваном Айвазовским, Алексеем Хомяко-

вым и многими другими знаменитостями. На столе, среди вещей, когда-то принадлежавших семье Елизаветы Быковой, сестры Гоголя, особенно ценна чарка, которую он подарил ей на свадьбу. Рядом — диван из дома Михаила Погодина, на котором мог сидеть Николай Васильевич. По стенам развешены гравюры и акварели с изображением мест, где Гоголь когда-то бывал: Симонов монастырь, Петровский

Приемная

ФОТО: ИГОРЬ КУБЕДИНОВ/ТАСС

НА СЕМИ ХОЛМАХ

ФОТО: АНТОН ДЕНИСОВ/РИА НОВОСТИ

Экспозиция в «Доме Гоголя»

путевой дворец, Оптина пустынь, города Италии.

Стрелки часов остановлены на цифре «3». В это время, в одну из ночей февраля 1852 года, Николай Васильевич сжег здесь свои рукописи, среди которых был и второй том «Мертвых душ».

В память об этом перед камином установлен стеклянный экран в форме храма — символическое воплощение идеи очистительной жертвы, прощения с прошлым. В топке видны горстка пепла и фрагменты обгоревших страниц. В каминном зеркале-экране поочередно возникают образы людей, близких писателю в тот период. Светозвуковое оформление в определенный момент преобразует бытовую обстановку, позволяя ощутить драматизм последних дней жизни Гоголя.

Следующая комната — кабинет, где Николай Васильевич работал, сидя за столом или стоя за конторкой, отдыхал на кровати за ширмой. Настенная графика иллюстрирует его поездку на Святую землю. Тут же — портреты оптинских старцев, архимандрита Антония (Медведева), множество книг, на мольберте — гравюра Федора Иордана с картины Рафаэля «Преображение Господня». Последняя вещь Гоголю очень нравилась, в завещании он даже просил читателей покупать вместо его изображений эстампы, чтобы поддержать художника.

ФОТО: АНТОН ДЕНИСОВ/РИА НОВОСТИ

В другой половине дома — еще три музейных зала. Один из них посвящен комедии «Ревизор». В ноябре 1851-го здесь, в приемной графа, Николай Васильевич читал пьесу актерам Малого театра. Объемно-пространственная композиция из стекла выполнена в виде раскрытой книги-сцены, на ней — силуэты гоголевских героев, а также портреты исполнявших эти роли актеров: Петра Каратыгина, Ивана Сосницкого, Михаила Щепкина, Сергея Шумского, Дмитрия Ленского, Прова Садовского, Варвары Асенковой...

Когда в комнате погаснет свет и засияет сцена, послышатся звуки настройки оркестра, смолкнет шум в зрительном зале — прозвучит памятное всем и каждому: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор». Далее тем же голосом будут произнесены другие знаменитые фразы из бессмертной комедии (а также этюда-послесловия «Развязка Ревизора»).

Мемориальная комната, в которой 4 марта (21 февраля по ст. ст.) 1852 года писатель скончался, оформлена в серых тонах. Стекланная ширма с изображением ступеней напоминает о любимой книге Николая Васильевича «Лестнице» преподобного Иоанна Синайского (Лествичника) и словах, которые Гоголь произнес перед смертью: «Лестницу! Поскорее, давай лестницу!» За стеклом хранится посмертная маска, снятая скульптором Николаем Рамазановым. В помещении звучит негромкая церковная музыка.

В свое время музей был освящен протоиереем Домового храма святой мученицы Татианы при МГУ им. М. В. Ломоносова Максимом Козловым. В этой церкви Гоголя отпевали, и сегодня там ежегодно служат по нему панихиду.

Завершает экскурсию Зал Воплощений — своего рода объемная, с использованием инсталляционной бутафории, полисюжетная картина судьбы и творчества классика. Выстроенная в хронологическом порядке экспози-

ция начинается с изображения иконы Николая Чудотворца в дупле «древа жизни». Согласно семейному преданию, мама будущего классика, ожидая ребенка, молилась перед чудотворным ликом в диканьковской церкви, которую построили на особом месте. Прежде там, на пне дерева, был явлен жителям образ особо чтимого на Руси святого. Мария Ивановна Гоголь дала перед иконой обет назвать новорожденного Николаем.

Также здесь представлены портреты матери, сестер, фото усадьбы Гоголей-Яновских в Васильевке, сделанное в начале XX века. Объемные композиции с изображением старосветских помещиков, Ростовщика, Хлестакова и других персонажей чередуются с книжными иллюстрациями известных графиков, снимками сцен из спектаклей. На колонне в центре — портрет Николая Васильевича с символической свечой-пером в руках.

Довершают рассказ интерактивные киоски, мониторы с записью фильмов. Такое сочетание предметов материально-художественной культуры с мультимедийными технологиями воздействует на зрителей довольно эффективно. Многие здесь заново открывают для себя творчество русского гения, осознают, что многого о нем не знали.

P.S.: По словам сотрудников музея Ольги Зазулиной и Олега Робинова, к юбилею классика в Театральной гостиниой развернута выставка «200+10», где демонстрируются новые поступления — вещи, сохраненные потомками Елизаветы Быковой.

ФОТОГРАФИИ: АНТОН ДЕНИСОВ/РИА НОВОСТИ

Литфонд

Огонь, ИДИ СО МНОЙ

Платон БЕСЕДИН, писатель

Гоголь — несомненно, гений. Стопроцентный, плоть от плоти высшей силы, ею на творчество снаряженный и вдохновленный. Но гениев на самом деле, при всей эксклюзивности данного понятия, насчитать можно немало: от Хлебникова и Достоевского до Ван Гога и Моцарта. Однако Гоголь — это совершенно иная порода, в гениальном пантеоне он стоит обособленно: не то чтобы возвышаясь даже, а скорее, паря над остальными.

ЕСЛИ поддаться конспирологам, то легко уверовать, что Николай Васильевич явился к нам с другой планеты, из другой Вселенной, раскаленной и пылающей священным огнем. Можно ведь прочесть отличную книгу, яркую, глубокую, захватывающую, но понятную для понимания, — ясно, пусть и не до конца, как она сделана. В случае великих писателей осознать это невозможно, да и догадаться, в общем-то, тоже. Принципиально иной уровень письма, мысли, взгляда на мир и его населяющих.

Когда читаешь Гоголя, в принципе невозможно подступиться к какому-либо, даже самому примитивному, пониманию. Это взгляд не человека, а совершенно иного — по своей природе — создания, волею таинственной силы оказавшегося среди нас. Достаточно пары страниц, чтобы убедиться в этом. Перечитайте, например, описание сада Плюшкина. Ошеломляет даже не то, насколько совершенно это сделано, а прежде всего сама фокусировка внимания, восприятия.

Гоголь — медиум, проводник, визионер, равных которому нет в русской истории, да и в мировой, пожалуй, тоже. И тут нельзя написать нечто вроде это «делает его великим, особенным». По отношению к Николаю Ва-

Ф. МОЛЛЕР. «ПОРТРЕТ Н.В. ГОГОЛЯ». 1842

ФОТО: ЮРИЙ КАВЕРИНА НОВОСТИ

сильевичу подобные человеческие формулировки неприемлемы и даже смешны.

Огонь, иди со мной — это о Николае Васильевиче, задолго до Дэвида Линча. Отсюда его, Гоголя, утопленницы и панночки, Вий и Старый колдун. Писатель не являлся просто мистиком, нет, он скорее походил на демонолога, создавшего — почти наяву — легион фантастических тварей, что одолевали его не только в творчестве, но и в жизни. И когда российские кинематографисты снимают слабые фильмы ужасов о Гоголе, то в своем послые они отчасти правы. Николай Васильевич не охотник на нечисть — он ее дрессировщик, демиург своих, а теперь и наших миров.

Даже в его облике — зловещий хрусталь глаз, андрогинная лепнина лица, то ли женские, то ли ангельско-бесовские крылья волос — явственно проступала печать потустороннего мира. Если верить легенде, то писателя похоронили еще живым, и оттуда — из гроба — он пытался выбраться, стесненный не только замкнутым, давящим пространством, но и цепкими лапами разной нечисти.

Трагедия Гоголя в том, что боролся он с ней как с частью своей природы, не только после смерти, но и при жизни. Дорогой к Евангелию он, возможно, пытался одновременно очеловечить и охристианизировать себя, стать Божьим человеком, но в творчестве до конца своих дней оставался неистовым, прибывшим не отсюда.

Как не может пропасть, улечься древняя сила — та, что была в начале, и та, что будет в конце, — так не может исчезнуть Гоголь с его наследием. Он создатель бессмертных типажей, переходящих не просто из произведения в произведение, а из жизни в смерть и обратно. Мы умрем, мир переменится (пусть даже он станет соответствовать худшим образцам антиутопий), но гоголевские демоны сохраняются.

Ведь исключительно такой взгляд, лишь формально принадлежащий человеку, и мог, точно самое невероятное устройство, пронзить время и пространство, зафиксировав метафундаментальное, плетущее саму ткань бытия и постбытия тоже.

За что бы ни брался Гоголь, везде он одинаково убедителен. Большой писатель — тот, кто выводит историю на верхний план, окружая ее тысячей контекстов, но Николай Васильевич подсоединяет к собственному тексту само жизненное пространство.

Чиновничество, которое мы наблюдаем сейчас или лицеизрели полвека назад, ничем не отличается от того, что описал Гоголь в «Ревизоре» и «Мертвых душах» — ни по структуре, ни по типажам, ни по манере поведения, ни по образу действия и мысли. Вот они, шагнувшие со страниц — порой, кажется, в буквальном смысле. Это ведь не просто описание — тут абсолютное визионерство, похожее на запуск корабля с экипажем в космическое пространство. Он исследует Вселенную — и космонавты высадутся на чужой планете, колонизируют ее. Только в контексте Гоголя речь идет не о местах, а о временах с проекцией на вечность.

Или полнокровная, пахнущая горилкой и кровью повесть «Тарас Бульба» — бескрайняя, просторная до кислородного опьянения, но ширью не ушибленная, а, наоборот, возносящая, здоровьем пышущая, стоящая обособленно в творчестве Николая Васильевича; страшно представить, как Оксана уживается с утопленницей, Бульба — с колдуном — им боязно существовать рядом. Но это тоже Гоголь — и не другой, не инаковый, а все тот же, пребывающий в абсолютной полноте своего бытия, как сила, охватывающая все сущее, каждую его живую, да и омертвевшую тоже, клетку.

Бердяев утверждал, что в Гоголе присутствовал «какой-то духов-

ный вывих» — и это, конечно же, упрощение, потому что «духовных вывихов», если использовать терминологию философа, у писателя наличествовало великое множество, но все они образовывали своего рода цветущую сложность, слепленные в одно, без швов и шрамов, могучей силой. Николай Васильевич, несмотря на все свои метания и терзания, был целостен. Когда он пишет: «Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой», то имеет в виду не только единение украинцев и русских, опять же проводя линии в раздробленное будущее, но и целостность метафизического народа как такового, а в нем и каждого человека. Отчасти он дает урок, нами бездарно не усвоенный. Впрочем, как и многое другое из Гоголя.

Тому, однако, есть пусть и слабое, но оправдание — осмыслить его наследие невозможно; для того необходимо обладать если не зрением Николая Васильевича, то как минимум способностью имитировать его. Но Гоголь настолько самобытен, причем не в народном контексте, хотя и в нем тоже, а в отношениях с силами, нам крайне редко приоткрывающимися, что восприятие его при должной удаче и подготовке вероятно лишь на поверхностно-смысловом уровне, без уяснения глубинных и верхних метаслоев, остающихся не просто недоступными, а в принципе лежащими за гранью людского.

Однако даже попытка, само желание соприкоснуться с ними меняет не только человека, но и его окружение, а в конечном счете — народ. И не спрогнозировать: вызовет ли это у него витальный или, наоборот, летальный эффект — Гоголь, как священный сосуд, хранит в себе и то, и другое.

Родное слово

ФОТО: ФИЛИПП ХАЛСМАН

В. Набоков охотится на бабочек

Дар бесценный

Алексей Колобродов

Юбилей Владимира Набокова, скорее всего, послужит причиной много говорить о нем, часто и однообразно умиляясь; литературные управдомы вновь переквалифицируются в снобов и эстетов, однако все это не вернет прозаика в актуальный контекст.

ПОСЛЕДНИМ крупным поводом, в связи с которым Владимира Владимировича знаково упоминали, был выход в «ЖЗЛ» биографии Валентина Катаева («Погоня за вечной весной»). Автор Сергей Шаргунов отмечает, насколько Катаев и Набоков — художники соприродные, и как судьба каждого из них — литературная и человеческая — зависела от местонахождения относительно государственных границ СССР. Определяющим же их родство стал общий литературный отец Иван Бунин.

Интересно сравнить оммажи учеников непобежденному учителю. Катаев сочинил о Бунине одну из лучших своих мовистских повестей — «Траву забвения», полную щемящей нежности и благодарности. Набоков, признававшийся в любви к Ивану Алексеевичу еще в 1921 году (в частном письме), в «Других берегах» много лет спустя изобразил совместный

обед с нобелиатом. Эпизод насквозь ироничен: сцена завершается уморительным распутыванием длиннейшего сирийского шарфа, угодившего в рукав бунинского пальто, и, по сути, только этот шарф в читательской памяти и остается.

Бунину, впрочем, на фоне других литературных современников, возникающих в «Других берегах», еще повезло — о нем сказано вскользь: «Его болезненно занимали текучесть времени, старость, смерть». Не так уж мало, если учесть, что остальным достались неискренние и запоздалые, в полстроки, извинения (Поплавский), упоминания о худых ногах (Ходасевич) и шахматные сравнения (Ремизов).

Вообще стилистическую изощренность и тематическое новаторство Набокова слишком долго рассматривали в отрыве не только от Бунина, но и других русских предшественников. Через сбитый прицел. Все больше Джойсы и Прусты, мало что здесь объясняющие. А вот взять хотя бы Куприна — такого, казалось бы, реалиста (не критического даже, а репортажного, с подразумеваемой предельной функциональностью языка). Именно у Александра Ивановича есть все технологические приемы орнаментально-сказочной прозы, знаменитых стилистов 20-х.

Сравните:

«Он, конечно, держит себя индифферентно — валяет дурака». («Штабс-капитан Рыбников»).

«А хозяин держится индифферентно — ваньку валяет».

(Михаил Зощенко, «Аристократка»).

Там же, в «Штабс-капитане...», имеется и «в каком полку служили?» — за четверть века до появления Остапа Бендера. К слову, романы Ильфа и Петрова Набоков весьма ценил.

А в купринской «Реке жизни» помещаются, не толкаясь локтями, Паустовский и поздний, мовистский, Катаев. Там же — первый (если не считать криминальной сцены из «Бесов») нимфеточный сюжет в русской прозе. Купринская Алечка старше Долорес Гейз на год, но так ведь и «Река жизни» написана почти на полвека раньше «Лолиты».

Конечно, это не вина, а беда Набокова — что пришел он к нам в качестве не просто запретного внезапно разрешенного плода, а как «дифсыт» из монолога Райкина—Жва-

нецкого, да еще в импортной упаковке, известнейшим брендом вроде Луи Вюиттона или Лагерфельда, дизайнерской фишкой модного сезона.

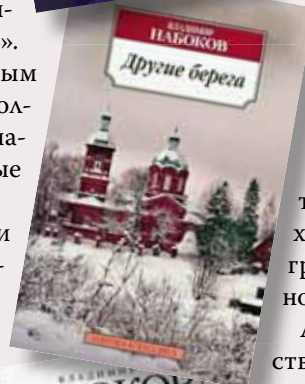
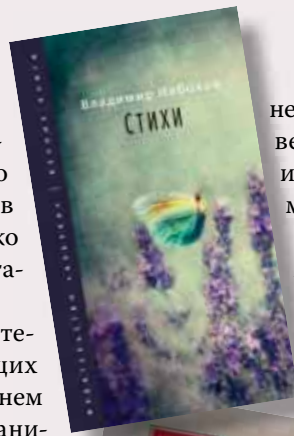
Было бы ошибкой признать, что о Владимире Владимировиче у нас ничего не знали до поздней гласности. Нет сомнений, что советская власть со временем осторожно бы его разрешила, хотя и отягощала ему карму «Лолита», как Гумилеву — антисоветский заговор. В 70-е Набокова уже всю читала столичная выездная интеллигенция; Сергей Чупринин вспоминает, что на семинарах молодых критиков в начале того же десятилетия приглашенный в качестве мэтра и ментора Валентин Катаев (он у нас здесь выходит этаким набоковским сталкером) громко называл его «русским писателем номер один».

А вот и вовсе поразительное свидетельство: в «Подростке Савенко» Лимонова есть эпизод, в котором девушка Ася рекомендует юному Эду русского писателя Набокова — роман «Дар». 1958 год на харьковском дворе. Промышленно-криминально-окраинный поселок Салтовка.

В конечном итоге случилась та самая банальность, которую ненавидел Владимир Владимирович: мода, выбросившая его на те самые другие берега, неизбежно схлынула. Однако проблема оказалась еще глубже. В Россию вернулся не столько писатель, сколько образ, а потом и символ — ролевая модель, старший пионервожатый будущих хипстерских отрядов. Тем не менее его романы прочитали (уж русские-то в обязательном порядке, но и американские профессорские читывали), их творца восприняли и освоили — сколько километров в те модные сезоны было написано под Набокова, с героями, парящими в воздушных снобизма, завитушками и конфузливой эротикой...

Казалось, что иных направлений, кроме сей парфюмерии, в словесности не осталось. Имена имитаторов были в то время весьма на слуху. Ну и где теперь весь этот пестрый скарб?

Безусловно, есть литератор, чьи биографы Сергей Полотоский и Роман Козак называют Набокова «главным писателем пелевинского иконостаса». Красный угол подразумевает прямое

Музей-усадьба
В. Набокова
«Рождествено»

ФОТО: PHOTOXPRESS

влияние: Полотовский — Козак вспоминают пассаж из «Чапаева и Пустоты», якобы восходящий к «Камере обскуре», рассуждают о взаимодействии солнечного луча, стекла графина и платья Анны-пулеметчицы. Но подобным вещам и без Набокова легко научиться. Биографы тут прямо подсюсюкивают: «Сначала приветы любимому автору Пелевин послал осторожно, исподтишка». Хотя если уж говорить о «приветах», то таковым была «Жизнь насекомых» — самим фактом пост-модернистской энтомологии. В «Чапаеве» напрямую упомянут «Вовка из Тенишевского», однако ни о какой стилистической и тематической близости речи идти не может, здесь куда больше от «Окаянных дней» Бунина и примыкаю-

щего корпуса мемуарных поливов, вплоть до прямых заимствований.

Набоковская струя заметна у Евгения Водолазкина — особенно на уровне стиля и языковых экспериментов в «Лавре». «Авиатор» вырос, по сути, из набоковского сравнения самолета и бабочки/стрекозы; эротическая линия романа, при всей внешней благопристойности, душно отдает гумбертовской криминальной страстью. Да и герой сильно напоминает Цинциннату Ц., получившего вслед за приглашением на соловецкую казнь флайер, дающий право на воскрешение. Наконец, есть свежий роман Водолазкина «Брисбен», где Владимир Владимирович разжижен и вовсе до состояния superlight.

Где Набоков был освоен (так виделось) всерьез и надолго, так это

в глянцевої журналистике. Стиль при сохранении многих интонационных и звуковых примет инкарнировал в стилек; на гламурных полянах поспела и воцарилась «ананасная земляника» — та самая, диковинный плод из «Других берегов». Эффект мыльной пены во рту гарантировался, однако колумбы потребительских материков продолжали самозабвенно пускать радужные пузыри. Впрочем, в силу известного набора причин, прошло и это. Сегодня названия гляцевых проектов можно перечислять в одном ряду с подражателями в прозе, и, надо сказать, первых запомнилось больше.

Лет десять назад с литературой и самим образом писателя случилось аналогичное тому, чего так истерично боялся Гумберт Гумберт: Лолита превратилась в обычную красивую женщину.

Но талант и адепт русской литературы повторяет лучшее из свойств русского литературоцентризма — когда гонят в дверь, он победительно проникает в окно. Перечитывая любимый когда-то «Дар», вольно или невольно обнаруживаешь, что давно не впечатляет техника кодирования автобиографии (все набоковские герои его «русских» романов несут в себе отпечаток личности автора, но Федор Константинович Годунов-Чердынцев — прямой зеркальный двойник), не вдохновляет апология интеллигентского нищестанства. А волнует разночинец и философ, революционер и каторжанин Николай Чернышевский — герой самостоятельного памфлета, ставшего знаменитой четвертой главой. Ничуть не смущает при этом набоковское злоязычие, равно как заявленный набор претензий к Чернышевскому, надуманных и оправданных, от идеологии до семейной жизни (отметим в то же время уважение Владимира Владимировича к сильному противнику, да и просто человеческое сочувствие — когда

он доходит до гражданской казни и всего последующего, тон меняется и становится едва ли не торжественным). Глава о Чернышевском поражает особой энергетикой. Это радиоактивное ядро романа, и по мере удаления от него словесная ткань твердеет, застывает, несмотря на попытки оживить повествование полифонией, стихами и двусмысленным хеппи-эндом. Монологичному Набокову нужен оппонент, это его «включает», но еще важнее магия присутствия рядом героя и мученика литературы.

На сегодняшний вкус, «Жизнь Чернышевского» — идеальный сценарий полного метра, а то и сериала. Жаль, что «Дар» никак не попадает на глаза режиссерам и продюсерам. Кинематографическая плотность деталей, особый покадровый ритм, взгляд будто через самую четкую оптику...

Давно распространилось заблуждение: Пушкин — это «наше все», а в мире известность Александра Сергеевича нишевая и локальная. Так действительно было — до того, как Владимир Набоков проделал титаническую работу по переводу и подробнейшему разбору «Евгения Онегина» (два тома комментариев). Исключительно благодаря этому в англоязычном мире Пушкин занял подобающее ему место в ряду мировых титанов литературы.

Еще одно важное набоковское открытие — особый взгляд на Гоголя. Владимир Владимирович представил Николая Васильевича как писателя мистического и совершенно inferнального, видевшего Россию насквозь и вглубь, по меньшей мере — в четырех ее измерениях. Согласно Набокову, Гоголь никакой не социальный реалист, не обличитель национальных пороков и нравов, но визионер и медиум, наследник Данте, предшественник Даниила Андреева.

Эссе «Николай Гоголь» создано в военные 1942–1944-м (автор в тексте приветствует победы русского оружия) в Штатах. А в СССР впервые увидело свет в № 4 «Нового мира» за 1987 год, став едва ли не первой официальной публикацией на родине. Годы только добавили тексту крепости и новизны. И ведь как это написано: профессор и шахматист, рассказывая о художнике, глубоко его волнующем, тревожащем, уходит в крутые метафизические виражи; проявлены мощь, поэтический напор при изощренной игре ума. Набоков подчеркивает, что для него подлинный Гоголь только в трех вещах: «Ревизоре», «Мертвых душах» и «Шинели», а остальное проскакивает на скорости, отзываясь порой пренебрежительно. Снисходительных оговорок, впрочем, удастаиваются «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» и «Нос».

Тем не менее аргументация Набокова в его и гоголевской («по прочтении Гоголя глаза могут голизироваться, и человеку порой удастся видеть обрывки его мира в самых неожиданных местах») системе координат совершенно безупречна: «Ис-

кусство Гоголя, открывшееся нам в «Шинели», показывает, что параллельные линии могут не только встретиться, но могут извиваться и перепутываться самым причудливым образом, как колеблются, изгибаясь при малейшей ряби, две колонны, отраженные в воде. Гений Гоголя — это и есть та самая рябь на воде; дважды два будет пять, если не квадратный корень из пяти, и в мире Гоголя все это происходит естественно, там ни нашей рассудочной математики, ни всех наших псевдофизических конвенций с самим собой, если говорить серьезно, не существует». Владимир Владимирович, как видится, превосходит все гоголевские штудии глубиной и блеском. Вот где настоящая работа для его отточенного стиля, когда последний превращается в стилет, а то и скальпель, способный вскрывать совершенно нематериальные сущности.

Если в своей прозе Набоков великолепен, умен, элегантен (но и предсказуем, и однообразен), то в литературоведческой эссеистике по-настоящему велик. Эманация этого величия сопровождает не только его героев, но и всю русскую литературу. Излучение — ровное, постоянное, модой и политикой не определяемое. Налицо и трансформация образа: вместо аристократа и сноба перед нами высококвалифицированный работяга литературы, мастер с умными руками и легкой головой.

Памятник В. Набокову
в Монре

ФОТО: PHOTOXPRESS

Великие реалисты

«СТРАДНАЯ ПОРА. КОСЦЫ». 1887

Грозный отец

Ксения Воротынцева

Облик художника Григория Мясоедова известен даже тем, кто не знаком с его творчеством: живописец позировал Илье Репину для картины «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года». Репин, долго искавший нужный типаж, был поражен демоническим видом основателя Товарищества передвижных художественных выставок. Полотно оказалось почти пророческим: Мясоедов, обладавший крутым нравом, открыто враждовал с сыном Иваном, тоже художником. Последний прибегнул к своеобразной мести: после кончины отца пустил с молотка его работы, а также коллекцию картин. Однако память о живописце, появившемся на свет 185 лет назад, не исчезла.

Расписные пряники

Григорий Мясоедов родился 19 (7-го) апреля 1834 года. Его семья принадлежала к дворянскому роду, восходившему к Ивану Мясоеду из Литвы, перешедшему на службу к Ивану III. Будущий художник рос в селе Панькове. Был отправлен в Орловскую классическую гимназию. Учился не слишком прилежно, зато увлекался рисованием — преподаватель Иван Волков выделял Мясоедова среди других гимназистов. Когда до окончания оставалось два класса, произошла ссора с отцом: юноша решил посвятить себя изобразительному искусству. В 1853 году Григорий покинул родной дом и уехал в Петербург лишь с 75 рублями в кармане, подаренными сердобольной родственницей.

Настойчивому молодому человеку удалось поступить в Академию художеств. О невзгодах того времени Мясоедов вспоминал: «Источником существования моего была работа на кондитерскую, где пеклись пряники, — я с товарищем раскрашивал их. Баранам и свиньям золотили головы, генералам — эполеты. Платили за это по три копейки с дюжины. Зарабатывали на обед и ухаживали за булочницей, которая казалась нам не менее прекрасной, чем Форнарина Рафаэлю».

Сжечь Рафаэля

В Академии Мясоедов демонстрировал успехи: получил малую золотую медаль за «Поздравление молодых» (1861), а затем большую за картину «Бегство Григория Отрепьева из корчмы» (1862). Талантливый выпускник был отправлен за границу, побывал во Франции, Италии, Испании... Из Европы Григорий Григорьевич вернулся разочарованным: «В Италии искусство мертво, здесь есть только прошедшее и поклонение прошедшему в виде бесконечных копий мадонн и прочего». «Я думаю, чтобы итальянщину двинуть вперед, нужно прежде плюнуть назад или сжечь всех Рафаэлей, Карачиев и всю почтенную компанию и начать снова учиться». Про выставку в Германии отозвался еще жестче: «Искусство аккуратных немков. Увиденное за границей вселило надежду на скорый подъем русской живописи. Окончивший Академию за год до знаменитого «Бунта четырнадцати», мастер, очевидно, разделял мнение о необходимости реформировать отечественное искусство. Мясоедов стал одним из организаторов Товарищества передвижных художественных выставок, учрежденного в 1870 году, вошел в состав правления. Эстетические принципы передвижников живописец определял как новую «искренность». Он так писал о воз-

И. РЕПИН. «ПОРТРЕТ Г. МЯСОЕДОВА». 1904

никшем течении: «...Оно решилось говорить о том, что ему близко и хорошо известно, с чем рядом оно родилось и выросло: оно решилось быть правдивым или, как принято говорить, реальным, не допускать подделок и подражаний, не желая казаться более того, чем оно есть, при помощи чужих пьедесталов». Товарищество взяло на себя обязательство «знакомить Россию с русским искусством». Мастер подытоживал: «Подъем националь-

ного чувства в России создал новые точки опоры и дал доступ новому искусству на все выставки, не исключая выставок Академии художеств».

Поэт и гражданин

Художник писал полотна в основном на остросоциальные темы. Среди наиболее известных произведений — «Земство обедает» (1872) и «Чтение Положения 19 февраля 1861 года» (1873). Параллельно разрабатывал жанр исторической картины — первый «подход» к подобной теме был сделан еще во время учебы в Академии. В 1871 году живописец выполнил работу «Дедушка русского флота (Ботик Петра I)». В 1880-е увлекся крестьянской темой и создал «Дорогу во ржи» (1881) и «Косцов» (1887). Для этих творений не характерна критическая интонация: на первый план выходит умиротворение, а также восхищение сельским трудом. Используются иные краски: легкие, светлые — в отличие от более темных и драматичных на ранних холстах. Вот что писал художник Яков Минченков, активно участвовавший в жизни Товарищества: «В картинах Мясоедова чувствуется

«ПОЗДРАВЛЕНИЕ МОЛОДЫХ В ДОМЕ ПОМЕЩИКА». 1861

его гражданственность, отражение современности с определенной окраской демократизма, пропитавшего все передовые слои общества. <...>. В них отразился Мясоедов-шестидесятник, выполнявший заказ на современные литературные темы; но в Третьяковской галерее есть и другая его вещь, без всякой предвзятой тенденции, — вечерний пейзаж: рожь, на вечернем небе край уходящей тучи. По меже бредет одинокая фигура нищего. Картина полна глубоко пережитого искреннего чувства; в ней поэзия, и ее все помнят. <...> По этой картине можно судить, что Мясоедов был не только думающим, но и глубоко чувствующим художником. Думается, что идеи, которые проповедовал Мясоедов, со временем покажутся несовременными и выдохнутся; то, чему учил Мясоедов-гражданин, отойдет в прошлое, но то, что проповедовал Мясоедов — художник-поэт, останется навсегда неотъемлемой частью души человеческой, как нечто вечное».

Очень приятно — царь

В начале 1880-х живописец неожиданно сам стал моделью: Илья Репин, работавший над масштабным полотном об Иване Грозном, уговорил Мясоедова позировать. Вот как вспоминал об этом случае Григорий Григорьевич: «...Он объяснил мне, что, по его наблюдениям, мое лицо как нельзя больше подходит для этой цели и по его общему складу, и в особенности тем, что я способен придать и всему лицу и глазам то выражение — зверское! — какое надо было показать в лице Ивана Грозного в трагический для него момент жизни, причем в этом зверстве должно проскальзывать и выражение крайнего сожаления, раскаяния, горя и боли о содеянном злодействе. <...> Раз десять, а то и больше он

писал меня с разными поворотами головы, при разном образном освещении. На различном фоне, заставлял подолгу оставаться без движения в самых неудобных позах и на диване, и на полу, ерошил мне волосы, <...> муштровал в выражении лица, принуждал делать, как он говорил, «сумасшедшие глаза».

Когда в товарищах согласия нет

Меж тем жизнь Товарищества, как и отношения «старожила» Мясоедова с молодым поколением передвижников, становились все запутаннее. Менялась эстетическая парадигма, появлялись новые имена, однако Григорий Григорьевич не признавал никаких течений, кроме реализма. Как отмечает Минченков, мастер отвергал не только импрессионизм: «...даже настроение Левитана или Чехова для него было чуждо». Из новатора классик со временем превратился в консерватора, яростно защищавшего устои передвижничества. Свое мнение выражал резко и прямолинейно. Минченков писал: «В обществе Мясоедов был остроумным, находчивым, интересным, но в то же время едким в крайней своей откровенности, а часто озлобленным. В глаза говорил непозволительные по житейским правилам вещи. <...> «Все мы лжем и обманываем друг друга во всех мелочах нашей жизни, и когда я говорю правду, то, что чувствую, на меня сердятся, обижаются», — говорил Мясоедов».

В Товариществе в итоге произошел раскол: ушли одиннадцать известных художников, в том числе Валентин Серов. Удрученный противоречиями внутри организации, Мясоедов уехал в Полтаву, где ранее приобрел усадьбу. Он практически оставил дела, связанные с передвижниками. Лишь на короткое время

приезжал в Петербург — работал над картиной «Пушкин на вечере у Мицкевича» (1899). Однако среди бывших товарищей чувствовал себя неуютно. Минченков рассказывал: «Спутником его жизни стало одиночество. «Это парадоксально, а я так и говорю: мы вдвоем с моим одиночеством имеем комнату на Васильевском острове в деревянном домике, — говорил Мясоедов. — Здравствуй, мое одиночество, пойдем со мной в гости, мое одиночество»».

Под звуки Баха

Семья художника давно распалась: с первой женой, пианисткой Елизаветой Кривцовой, мастер разошелся. Вторая супруга, художница Ксения Иванова, родила сына Ивана и через несколько лет умерла. Отношения с отпрыском не ладилась — классик отдал его на воспитание в семью товарища, передвижника Александра Киселева. Сын последнего, Николай, вспоминал: «Григорий Григорьевич не производил впечатление человека, для которого дети были чарующим зрелищем». Ваню приняли очень тепло, однако ребенок продемонстрировал крутой нрав: «Он оказался абсолютно невоспитанным. Ни в малейшей степени ему не были знакомы самые примитивные правила поведения. Он не признавал слова «нельзя» и очень часто раздражался нудным продолжительным ревом, который выводил нас из себя». Помучавшись почти полгода, супруга Александра Киселева написала Мясоедову и попросила забрать мальчика.

Впоследствии Иван проявил художественные способности, поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Затем стал воспитанником Академии художеств, посещал мастерскую по гравюре, которой руководил легендарный Василий Матэ. Отношения с отцом при этом оставались крайне напряженными: отец и сын практически не разговаривали. Григорий Григорьевич не признавал одаренности сына, хотя Мясоедов-младший оказался человеком ренессансного таланта. Вот что писал о нем живописец Александр Герасимов: «Он был высокий ростом в полном смысле слова красавец с богатырским телосложением. <...> На годичных балах-маскарадах получал всегда первую премию за красоту. Полубнаженный, с леопардовой шкурой через плечо,

с играющими мускулами, с венком из виноградных листьев на голове, с лицом Антиноя, он был похож на античную статую... Будучи в Италии в то время, когда там произошло страшное землетрясение в Мессине, он выступал в цирке, приняв вызов профессиональных атлетов, которые вызвали на пари охотников повторить их упражнения... Мясоедов проделал все нужные упражнения с большей ловкостью, чем это делали атлеты, и тут же выкинул красивый жест, сказав, что выигранные деньги он отдает в пользу жертв землетрясения... Можно себе представить, какой

гром аплодисментов раздался в цирке. В дни Октябрьской революции он эмигрировал и, не припомню, в Австрии или Германии был арестован за подделку фунтов стерлингов. Его судили и посадили в тюрьму».

Григорий Григорьевич доживал свои дни вдали от бывших товарищей и шумного Петербурга. Одиночество художника скрашивала музыка, которой Мясоедов страстно увлекался всю жизнь: он даже научился играть на рояле, альте и скрипке. Дружил с представителями «Могучей кучки», а также участвовал в квартете товарищей-передвижников. Признавался: «Все люди или глупы, или эгоисты до подлости. Даже те, кого называют святыми какой угодно катего-

рии, действуют из эгоизма, конечно. А то, что называют альтруизмом, — просто замаскированный способ ростовщичества: дать и получить с процентами. И я хотя не глупый человек, а от подлостей не могу избавиться. Живу в обществе, угождаю и лгу ему. В музыке забываюсь, она, исходя из подсознательного, помимо нашей воли, как рефлекс пережитого, есть чистое, неподкупное отражение чувства. Она не лжет, говорит правду, хотя бы неуютную нам, и оттого я люблю ее». Прямолинейный, резкий, — живописец и в самые печальные годы не боялся взглянуть правде в глаза: «Мажор меня не трогает, в большинстве пустота, живу лишь, когда слышу правдивый минор, отвечающий всей нашей жизни». Умирал художник под музыку Баха и Шопена — вечные звуки, не знающие человеческой слабости и предательства.

«Сам с собою, или игра в шахматы», 1907

Служу России

ФОТО ИЗ НАУЧНОГО АРХИВА РАН

Разведка путешествиями

Андрей Самохин

Этот землепроходец преодолел за свою жизнь более тридцати тысяч километров в нехоженных районах Азии, а все встреченное на пути — от флоры и фауны до этнографических и политических реалий — описывал с научной скрупулезностью. В основном собранные им сведения пополняли научные сборники и всевозможные энциклопедии, но некоторые — лишь секретные папки русского Генштаба. Блестящий ученый, почетный член Петербургской и множества европейских академий, настоящий патриот и неисправимый романтик Николай Пржевальский снискал себе в веках не только национальную, но и всемирную славу.

ОН ПРОШЕЛ там, где до него не ступала нога ни единого европейца. Его имя носят один из самых грандиозных хребтов Тибета, дикая лошадь, хомячок-пеструшка, поползень, ящурка, бабочка, рододендрон. А еще — золотая медаль, теплоход, улицы и музеи. Экспедициями Пржевальского установлены 63 астрономические точки, нанесены на карты около 300 высот. В славный перечень входят гербарий из 15 000 растений, сотни описанных млекопитающих и тысячи птиц. Помимо знаменитой лошади, он открыл дикого верблюда и медведя-пищухоеда. Его рассказами об азиатских просторах, восторгах первопроходца и смертельно опасных приключениях зачитывались и в царской, и в советской России.

В заметке на смерть Николая Михайловича в 1888 году Чехов написал: «...такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка», — и добавил, что один этот путешественник «стоит десятка учебных заведений и сотни хороших книг».

Вся его сознательная жизнь — за вычетом редких промежутков — была дальней дорогой или подготовкой к ней. Да и смерть случилась, по сути, в пути. Могилу, согласно завещанию, выкопали на берегу Иссык-Куля, куда прославленного ученого и генерала положили в экспедиционной одежде, с любимым штучером системы Ланкастера...

В порыве таких людей к неведомому и опасному, в их выносливости и целеустремленности есть некая загадка. Некоторые ключи к ней, похоже, рассыпаны в его книгах: «В сущности, путешественником надо родиться»; «моя счастливая звезда всегда... с самого детства, меня вывозила, и я верю в свое счастье — оно не даст мне погибнуть, не совершив всего мне предназначенного... я привык пребывать на заоблачных высотах, оттого, вероятно, мне и не нравится жить в Петербурге... Как вольной птице трудно жить в клетке, так и мне не ужиться среди «цивилизации», где каждый человек, прежде всего, раб условий общественной жизни. Но простор пустыни — вот о чем я день и ночь мечтаю».

Село Кимборово Смоленской губернии, в котором он родился, было типичной русской глубинкой. Отец —

ФОТО: PHOTOPRESS

мелкий помещик из обрусевших литовцев, осевших у нас после Ливонской войны. По другой версии, родоначальник Корнилий Перевалов — из запорожских казаков, пожалованных шляхетством, вследствие чего фамилия оказалась транслитерирована по-польски — Przewalski. Во всяком случае, вольнолюбие и независимость точно присутствовали в характере самого известного представителя рода.

«Рос я в деревне дикарем, воспитание было самое спартанское, я мог выходить из дому во всякую погоду и рано пристрастился к охоте. Сначала стрелял я из игрушечного ружья желудями, потом из лука, а лет двенадцати я получил настоящее ружье», — писал Николай Михайлович. В детстве-юности он любил ловить бабочек с жуками по колючим кустам, щук на реке, чувствуя себя в дикой природе, как дома.

Героическая оборона Севастополя сподвигла 16-летнего юношу пойти в армию вольноопределяющимся. Однако служба в Рязанском пехотном полку быстро разочаровала: вместо подвигов — муштра на плацу, а вечерами регулярные попойки и штосс. Избегая последнего (хотя ему и везло в игре благодаря феноменальной памяти), он собирал гербарий и выслеживал птиц. Увлекали совсем иные карты, которые, после присвоения офицерского чина и поступления в Академию Генштаба, молодой человек принял за изучать вместе с трудами знаменитых географов, в том числе — Семенова, позже получившего почетное прибавление к фамилии «Тян-Шанский». Последний, встретив однажды Пржевальского, заметил, что из него

может выйти замечательный путешественник, и посоветовал отправиться в Уссурийский край.

Последовать этой рекомендации удалось не сразу. Пришлось послужить адъютантом командира Полоцкого пехотного полка, преподавать историю и географию в Варшавском юнкерском училище. Кстати, в Польше Пржевальский оказался после шляхетского мятежа, в подавлении которого принимал непосредственное участие как доброволец.

За написанную еще в Академии Генштаба рукопись «Военно-статистическое обозрение Приамурского края», получившую весьма благожелательный отзыв Семенова, перспективного военного ученого избрали в действительные члены Русского географического общества.

Добившись перевода в Восточную Сибирь, он получил разрешение на двухлетнюю командировку в Уссурийский край. Основная задача, поставленная офицеру Генштаба, носила, понятное дело, вовсе не гуманитарно-познавательный характер. Николай Михайлович уже тогда сумел закрепить за собой особые статус и алгоритм путешествий: военной разведке не мешали научные изыскания в ботанике, зоологии, метеорологии, этнографии и других дисциплинах.

Со своим спутником, юным топографом Николаем Ягуновым,

ФОТО: ЮЛИЯ МАРТИНКОВА/WWW.LOOKMYTRIPS.COM

Памятник Н. Пржевальскому в Караколе

он за два с половиной года вдоль и поперек исследовал обширный край — от бассейна реки Усури до озера Ханка и побережья Японского моря. Были покрыты маршрутной съемкой 1600 километров, собраны сотни образцов флоры и фауны, исследована жизнь местных народов и русских переселенцев. Обо всем этом Пржевальский доложил в марте 1870-го, впервые взойдя на кафедру Русского географического общества. Став лауреатом Серебряной медали РГО, он блестяще доказал научно-практическую состоятельность. У Военного министерства под руководством Дмитрия Милютина появились большие планы, свя-

занные с деятельностью толкового землепроходца, пионера нового типа разведки — проактивной, предупреждающей важные события, и отчасти меняющей их.

В те годы русское продвижение на Кавказ и в Центральную Азию начало сильно беспокоить Великобританию. Возникло глобальное соперничество, названное позже «Большой игрой». Одним из ее полей стала западная периферия китайской империи, оставшаяся белым пятном на картах и практически не контролирувавшаяся Пекином.

К концу 1864-го Поднебесная в результате смут потеряла провинцию Синьцзян (Восточный Туркестан). Новообразованные Кучарское, Хотанское, Кашгарское ханства, Урумчинский султанат беспрестанно воевали друг с другом. В те годы авантюрист из Коканда Мухаммед Якуб-бек сумел объединить их в квазигосударство Йеттишар («Семиградье»), лежавшее на стратегически важном отрезке Великого шелкового пути, — пытался сыграть на русско-английских противоречиях.

Тем временем Петербург, опередив Лондон, временно вводит войска в Илийский султанат на севере Синьцзяна. России срочно требуются разведанные по Восточному Туркестану: о нюансах взаимоотношений тамошних народностей, о том, чего они ждут от могущественных соседей; о вооруженных группировках, укрепленных пунктах. Все это — вкуче с точными координатами дорог, водных и других природных преград, горных вершин как точек топографической привязки и проходов в труднодоступных местах — исправно добывает для Родины офицер Генштаба Николай Пржевальский. За его командой следят приставленные от китайских властей сопровождающие, поэтому он находит способы вести съемку, не возбуждая подозрений, к примеру, отходит подальше в кусты якобы по нужде.

Для широкой общественности — российской и зарубежной — все четыре проведенные им с 1870-го по 1885-й экспедиции имели научный характер, что также было правдой.

А первый поход состоялся на стыке Монголии, Китая и Тибета. Среди прочего Пржевальский доказал, что пустыня Гоби — не плато, а холмистая ложбина, Наньшань — не хребет, а целая горная система. Он открыл нагорье Бэйшань, котловины Цайдам, три хребта в Куньлуне, семь больших озер. В результате второй экспедиции (1876–1877) были нанесены на карты горы Алтынтаг, впервые описаны таинственное озеро Лобнор (ныне высохшее) и питающие его реки Тарима и Кончедарья. Николай Пржевальский «отодвинул» более чем на 300 км к северу границу тибетского нагорья. После третьего похода, прошедшего в 1879–1880 годах, на карте появилось несколько хребтов Наньшаня, Куньлуна и Тибета, европейцы получили точные данные об озере Кукунор, о верховьях великих рек Хуанхэ и Янцзы.

«Громадные отвесные скалы, запирающие мрачные ущелья или увенчивающие собой вершины гор, также имеют много прелести в своей оригинальной дикости. Я часто останавливался в таких местах, садился на камень и прислушивался к окружающей меня тишине», — рассказывал великий путешественник в одной из книг.

В пустынях днем температура поднималась до 60 градусов, поэтому передвигались ночью. Колодцы часто были отравлены дунганями. Иногда, поднимаясь в горы, перетаскивали через обледеневшие перевалы яков и верблюдов. Дрова везли с собой.

На Тибетском нагорье, на высоте 3–4 км, отважные путники находились два с половиной месяца: «Стояли жестокие морозы, а топлива не было, и ночи проводили в юрте без огня. Постель состояла из одного войлока, посланного на мерзлую землю. Из-за холода и большой высоты, из-за сухости и разреженности воздуха заснуть не удавалось — только забыться. Но и в забытьи мучило удушье, порождавшее тяжкие кошмары».

Отряды состояли только из добровольцев: три-четыре офицера, столько же солдат, переводчик, пять-шесть казаков из пограничной стражи. Если удавалось договориться, то на некоторых участках к ним присоединялись проводники. Впрочем, те порой намеренно вели русских долгими и тяжелыми путями. У каждого разведчика было по винтовке или штуцеру и по два револьвера. Их нередко приходилось пускать в ход. «Здесь можно проникнуть... с деньгами в кармане, со штуцером в одной руке и с ногойкой в другой... — писал Пржевальский и добавлял: — Лучший паспорт для Китая — это умение быстро и метко стрелять». С оружием не расставались даже во время сна — шансы погибнуть не своей смертью были крайне высоки. Одна

из наиболее опасных стычек произошла во время похода 1883–1885 годов, когда на русский отряд напали около 300 всадников-тангутов. «Словно туча, неслась на нас эта орда, дикая, кровожадная, а впереди своего бивуака молча, с прицеленными винтовками, стояла наша маленькая кучка — 14 человек, для которых теперь не было иного исхода, как смерть или победа», — описывал Пржевальский.

Между экспедициями он работал над своими замечательными книгами, которые переводились на разные языки, выступал с научных трибун, принимал награды, военные повышения, почести от государства и коллег со всего света. Его числили в ряду самых выдающихся путешественников мировой истории.

Николай Михайлович не желал почивать на лаврах, в городах ему было невыносимо скучно. Во время четвертой экспедиции отряд не пустили в Лхасу, куда Пржевальский давно мечтал попасть. Буддисты подумали, что русские хотят похитить Далай-ламу. А в наших столичных газетах тогда писали, что великий путешественник в плену и его надо выручать.

В тот раз все завершилось благополучно. Однако пятая экспедиция в 1888-м, едва начавшись, стала трагической. У поселка Каракол, что в нынешней Киргизии, Николай Пржевальский заболел брюшным тифом: утолил жажду сырой водой, хотя сам же строжайше запрещал товарищам подобное...

Его посмертная слава оказалась с «зигзагами». В 1889 году по указу Александра III Каракол переименовали в Пржевальск. В 1922-м большевики-интернационалисты решили стереть с карты имя «царского сатрапа», вернули старое. В 1939-м в честь столетия путешественника Сталин опять назвал городок Пржевальском. После распада СССР независимая Киргизия снова избавилась от «русско-имперского» топонима.

Итог собственной жизни Николай Михайлович подвел заранее. По окончании четвертой экспедиции он построил отряд на русской границе и зачитал один из последних своих приказов:

«Мы пускались в глубь азиатских пустынь, имея с собой лишь одного союзника — отвагу; все остальное стояло против нас: и природа, и люди... Мы жили два года как дикари, под открытым небом, в палатках или юртах, и переносили то 40-градусные морозы, то еще большие жары, то ужасные бури пустыни. Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроенного населения — ничто не могло остановить нас. Мы выполнили свою задачу до конца — прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную от имени науки, которой мы служили, и от имени родины, которую мы прославили».

Русская Евразия

Нашли и не сдаемся

Елена Мачульская

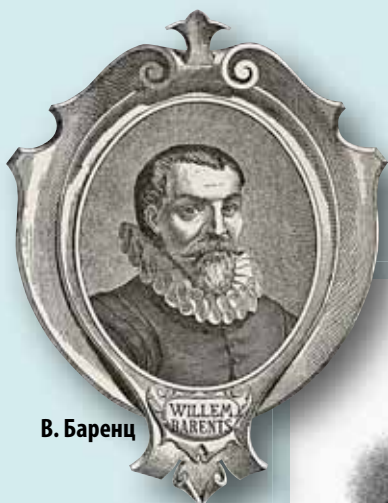
Кратчайший водный маршрут из Европы в Азию русские, англичане, норвежцы, голландцы и другие пионеры-путешественники искали веками. Этот транспортный коридор среди вечных льдов когда-то именовали Северо-Восточным проходом, теперь же называют Северным морским путем. Он более чем в полтора раза короче южного, включающего в себя Суэцкий канал.

Важность, экономическая и геополитическая значимость СМП растет в наши дни в прогрессии, а одним из майских указов президента России предусмотрено увеличение грузопотока по Северному морскому пути к 2024 году чуть ли не на порядок.

Родина снежных бурь

В XIII веке считалось, что где-то там, недалеко от полюса, находится земля, на которой живут невиданные гиганты и амазонки. Овеянный легендами, таящий мириады неведомого, бескрайний ледяной простор издавна манил к себе самых дерзких и храбрых — возможностью невозможного, выходом за пределы привычного, далью блистающей, завораживающей.

Знаменитый полярный исследователь Фритъоф Нансен писал: «Взор человеческий невыразимо медленно проникал сквозь туманы Ледовитого океана. Там лежала мифическая стра-

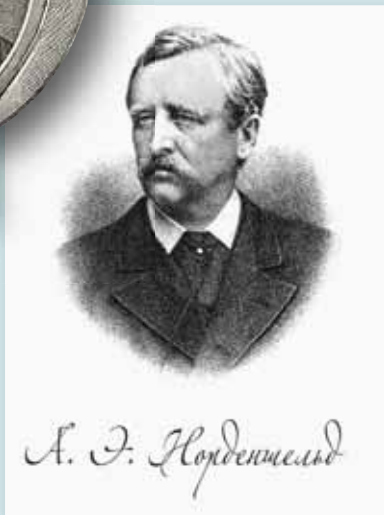

В. Баренц

на вечного холода, которая поднялась из океана раньше обитаемых материков. Там жили ледяные великаны, и там находилась родина снежных бурь и морозной мглы».

Впрочем, уже в XI веке в новгородских летописях упоминалось о том, что двинский посадник Улеб достиг Железных ворот (так называли пролив Карские ворота) и вышел в Карское море. Русская северная эпопея началась почти тысячу лет назад, бесстрашные мореходы, искусные кораблестроители — новгородцы не боялись Северного Ледовитого океана, устремляясь все дальше и дальше.

Одно из таких путешествий архиепископ Новгородский Василий описывал в 1347 году весьма витиевато: «На дышащем море червь не усыпающий, и скрежет зубный, и река смоляная Могр». Фантастическая картина, если вдуматься, соответствует реальной Северной Атлантике. За смоляную реку могли принять потоки лавы исландских вулканов. Воды близ Шпицбергена и Исландии действительно кишат морскими слизняками. А звуки от непрестанного трения льдин и впрямь похожи на скрежет зубов. Довелось смельчакам побывать и в чудесных краях, где «свет бысть многочасный, светлуясь паче солнца», то есть видеть северное сияние.

Даже англичане признавали, что «тысячу лет назад именно русские были наиболее передовыми морями своего времени» и ходили всюду «за сто лет до того, как Альфред построил первые английские военные корабли» — об этом сообщал в своих работах британский историк XIX века Фредерик Джен.

На суровых берегах Белого и Баренцева морей постепенно появлялись наши поселения. Жители, поморы, учились плавать среди льдов, стали строить корабли с особой формой корпуса: ширина посуды от киля вверх постепенно увеличивалась. Когда льдины теснили со всех сторон, судно просто «выжималось». Позже по такому принципу был построен знаменитый «Фрам». Используют подобный эффект и современные ледоколы.

Неудивительно, что впервые идею морского пути из Европы в Китай предложил именно русский — отправленный послом в Италию Дмитрий Герасимов. Ориентировался он, разумеется, на плавание поморов, а своими сообщениями поделился в 1525 году с итальянским историком Пауло Джовио: «Двина, увлекая бесчисленные реки, несетя в стремительном течении к Северу... море там имеет такое огромное протя-

жение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-либо земли». Идею тут же подхватили европейцы.

Арктический авантюризм

Первым на арктическую авантюру решился спустя несколько десятилетий британец Хью Уиллоуби. Во льдах возле острова Нокуев он погиб, а завершил экспедицию его главный кормчий Ричард Ченслер, достигший устья Северной Двины и получивший от царя Ивана Грозного привилегии для английской торговли. Потом были походы Виллема Баренца, третий из которых стал для него последним.

Наша транспортная магистраль функциониру-

Б. Вилькицкий

А. Сибиряков

ла в том районе уже в начале XVII века — построенный по приказу Бориса Годунова форпост был связан с остальной страной благодаря Мангазейскому морскому ходу. Караваны кочей с «шубой ледяной» (ледовой обшивкой по ватерлиниям) везли в Мангазее продовольствие, а оттуда — пушнину. Именно на коче первопроходец Семен

Место зимовки «Веги»

Е. Войшвилло. «Таймыр» и «Вайгач» у Земли императора Николая II (Северная Земля)»

М. Успенский. «Бой ледокольного парохода «Александр Сибиряков» с фашистским тяжелым крейсером «Адмирал Шеер». 1961

Дежнёв миновал в 1648-м Берингов пролив.

Век спустя сын рыбака-помора Михаил Ломоносов писал цесаревичу Павлу Петровичу: «Северный океан есть пространное поле, где под вашим императорского высочества правлением усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, через изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку».

Вскоре от слов перешли к делу. «В путь на восток Северным Сибирским океаном» отправилась экспедиция под началом Василия Чичагова, прекрасно обеспеченная в научном отношении стараниями Ломоносова. Впервые русские корабли могли во время плавания определять долготу места инструментально. Но пройти указанным маршрутом оказалось невозможно — непреодолимой преградой выстроились тяжелые льды.

Однако Северный путь манил к себе по-прежнему. Его пытались разведать хотя бы частично. К примеру, в 1877-м пароход иркутского купца Александра Трапезникова «Луиза» совершил плавание из Лондона в Тобольск через Карское море. Сквозной проход Северным морским путем осуществила через несколько лет экспедиция Адольфа Эрика Норденшельда. Его «Вега» шла там, где прежде не пробирался никто, открывала новые острова. Потом ее почти на год остановили льды, и конечная цель плавания — Стокгольм — была достигнута позже, чем предполагалось.

Это смелое предприятие вряд ли бы состоялось без помощи русского мецената и полярного исследователя Александра Сибирякова. Он не только взял на себя значительную долю финансирования, но и снабдил экспедицию важными сведениями о Сибири, о состоянии льдов в приполярных водах. Сибиряков мечтал превратить Северный путь в магистраль, по которой русский товар можно будет быстро доставлять на мировой рынок.

«Ермак» покоряет океан

Было очевидно, что для такого дела нужны особые корабли. Проект первого в мире арктического ледокола «Ермак» (спущен на воду в 1898-м), способного форсировать льды двухметровой толщины, был разработан вице-адмиралом Степаном Макаровым совместно с Дмитрием Менделеевым. Несколько позже великий ученый писал Сергею Витте: «Желать истинной, то есть с помощью кораблей победы над полярными льдами Россия должна еще в большей мере, чем какое-либо государство, потому что ни одно... не владеет столь большим протяжением берегов в Ледовитом океане».

Сквозное плавание с востока на запад (в 1910–1915-м; с зимовкой у полуострова Таймыр) гидрографической экспедиции на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» увенчалось огромным успехом. Впервые русские зафиксировали для истории свое прохождение Северного морского пути. При этом составили подробные карты побережья, соорудили навигационные знаки, совершили, по сути, последнее великое географическое открытие — Земли императора Николая II (Северной Земли).

О трудностях экспедиции ее руководитель Борис Вилькицкий, в частности, писал: «В 4 часа дня начали работу, рядом ударяли в лед оба корабля и отламывали куски, которые уносились западным ветром в море, но дело подвигалось медленно. На следующий день ветер стих и стал задуть с другой стороны. Весь обломанный лед уже оставался тут же и делал невозможной дальнейшую работу, так как нельзя было отходить задним ходом, чтобы опять с разбега ударить в лед».

100 лет назад Севморпуть удивительным образом «объединил» красных и белых, точнее, их стратегические, рассчитанные на века государственные планы-интересы.

В апреле 1919-го адмирал Александр Колчак личным распоряжением создал Комитет Северного морского пути. На СМП тогда возлагались большие надежды. Сибири нужна была стабильная морская связь с западноевропейскими портами, чтобы наладить поставки оружия и, главное, коммуникации между российскими регионами.

В кабинете адмирала недаром висела карта полярных экспедиций. Александр Васильевич знал Арктику, как никто другой. В Архангельске волей обстоятельств оказался в то время Борис Вилькицкий, возглавивший в августе-сентябре 1919-го первую Карскую экспедицию: из Сибири корабли доставили в архангельский порт 40 тыс. пудов пшеницы, 1500 пудов масла, а от туда — военный груз, в том числе аэропланы, автомобили, дефицитные медикаменты. Изменить что-либо в ходе Гражданской вряд ли было возможно, но именно та экспедиция положила начало регулярным плаваниям наших соотечественников через Карское море.

После поражения Белой армии в Сибири Комитет Северного морского пути в полном составе был сохранен и введен в состав учрежденный Сибревкома, в 1920-м — преобразован в «Комсеверпуть».

В 1930-е Арктикой грезил вся страна, а в 1932-м свершилось поистине великое событие: ледокольный

пароход «Сибиряков» в одну навигацию прошел Северным путем из Архангельска в Тихий океан. Во льдах Чукотского моря судно потеряло часть гребного вала с винтом, начало дрейфовать, но моряки подняли самодельные паруса и сумели вывести его на чистую воду — в северной части Берингова пролива. Исполнилась давняя мечта покинувшего Россию мецената.

А через 10 лет в Карском море тот же «Сибиряков» вступил в неравную битву с тяжелым крейсером «Адмирал Шеер». Прежде корабли, на пути которых оказывался «Адмирал», сдавались, как правило, без боя. Но русские моряки, несмотря на явное превосходство противника, отказались спускать флаг. Поединок длился меньше часа, а потом наши матросы открыли кингстоны...

В Великую Отечественную СМП стал для нас ключевым, едва ли не самым главным маршрутом. По нему союзники доставляли в СССР стратегические грузы, внося свой вклад в нашу Победу.

«Исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике» (так Северный морской путь определен в законодательстве РФ) в XXI веке имеет не меньшее значение. Сегодня за Полярным кругом сталкиваются интересы многих держав.

Атомный ледокол «Арктика» ведет караван судов в Карском море. 1975

ФОТО: СЕМЕНАЙ/СТЕРМАН/ТАСС

Родная лира

В. ВАСЦЕЛОВ. «ГУСЛЯРЫ». 1899

Потерянные знамена

Ксения Ермишина

Что есть русская национальная музыка? На этот вопрос даются самые разные ответы. Кто-то перво-наперво вспоминает про народные песни. Другие называют произведения Чайковского, Рахманинова, Глинки, Прокофьева, Свиридова и других корифеев. Третьи полагают, что созданные у нас эстрадно-развлекательные мелодии — тоже необходимая часть национальной культуры. Правы в той или иной мере, пожалуй, все, хотя, например, тот уникальный пласт, который мы знаем как русскую классику, начал формироваться не ранее XVIII века, причем под сильным влиянием западноевропейского искусства. А что на Руси было до того?

СОХРАНИВШАЯСЯ после советской эпохи, поражающая воображение архитектура, шедевры Андрея Рублева и Феофана Грека дают понять: древнерусская культура — по мощи, красоте, таланту — явление величайшее. Старинные иконы, храмы, произведения народных промыслов видны всем и всегда имеют шанс быть оцененными по достоинству. С аутентичным музыкальным искусством, органически присущим нашему народу с начала его исторического бытия, все обстоит гораздо сложнее. О той музыке, которая когда-то входила в программу обязательного образования для царей и простолюдинов, звучала на торжественных мероприятиях, праздниках, церковных службах, — сегодня знают немногие. А ведь именно она в свое время воспитывала русского человека, выковывала его характер, вдохновляла на покорение немислимых пространств от Киева до Сахалина. Вплоть до конца XVII столетия ее регулярно слушал русский царь, присутствовавший на церковной службе практически ежедневно.

Во многом ее история повторяет судьбу национальной иконописи, только вот древним образом «повезло» больше. Открытые в начале XX века, перед Первой мировой, — тогда научились снимать

Древнюю лиру посредством иконописи. Знаменитая гласная. Начиная с 13-го века

почерневшую олифу, — они сразу же были признаны величайшими произведениями искусства. Прежде старыми иконами всячески пренебрегали: неисчислимо количество шедевров погибло как из-за невнимания, так и в результате сознательного уничтожения. В советский период (особенно вначале) печальная тенденция продолжилась. До нас дошла лишь незначительная часть того океана древнерусской живописи, который омывал наши просторы веками. Старинную музыку специалисты открыли для себя тоже в начале двадцатого столетия, но хождения-распространения «в массы» она не получила. Причин тому несколько, а главная заключается в том, что древнерусские песнопения имели не только культовое значение — они были, по сути, медитативными. Мелодии создавались для того, чтобы сознание молящегося направить в высшие сферы, к Богу, все внимание сфокусировать на собственном сердце и — от него, в глубь бесконечного пространства духовного бытия. В наши дни даже верующие христиане в большинстве своем не понимают древнерусской музыки.

Древние произведения звучали иначе, были, как правило, одnogолосными (хотя и допускали голосовые модуляции), модальными (атональными), то есть совершенно не тяготели к минору или мажору. Эта музыка не предназначалась для возбуждения либо усиления эмоций, обеспечивала полную концентрацию на словах молитвы, выстраивалась вокруг стихии бодрствующего сознания. Отечественные исследователи описывали эту специфику по-разному: отмечали радикальные отличия от

РОДНАЯ ЛИРА

музыки ладовой, европейской, выстраивали концепции об уникальных старинных русских ладах. Но почти все сходились на том, что главная отличительная черта наших древнейших песнопений — их неповторимый ритм. Валентина Холопова в 1980-е утверждала, что в мире нет ни одной музыкальной традиции, которая бы совпадала с подобной метрикой. Другие специалисты этот вывод не опровергали — скорее, добавляли собственные соображения. Однако именно ритмическое своеобразие древнерусской музыки породило споры о ее генезисе.

Еще до революции исследователи установили, что она пришла к нам из Византии, а на Руси трансформировалась в соответствии с местными обычаями. Однако по своей метрике византийское, григорианское, коптское и любое другое древнее пение заметно отличалось от того, что было распространено у нас. Наши предки, вероятно, очень быстро создали собственную, ритмически уникальную музыкальную культуру.

Этот ритм, имеющий несколько названий — свободный, несимметричный, дыхательный, — в песнопении обычно «пульсирует», совпадает с частотой ударов сердца, находящегося в спокойном, но очень сосредоточенном состоянии. В какой-то момент происходит внезапный скачок или задержка, показывающие, что музыка живет, подобно ее создателю (исполнителю), а он может уснуть, задуматься, резко на что-то отреагировать.

Классические мелодии, которые русские переняли у европейцев, имеют совершенно иную ритмическую структуру, отлажены не под живой организм, а под инструмент, функционируют как часы — в ритмах вальса (раз-два-три, раз-два-три), мазурки (3/4), танго (2/4) и прочая-прочая. Древнерусская — течет единым потоком, то вверх, то вниз, иногда на целую октаву, чаще — на кварту или квинту. Этот мелос имеет аналоги только в архаической традиции, например, древнегреческой, индийской, арабской, однако о прямом, буквальном заимствовании не может быть и речи.

На Западе музыку записывали с помощью букв, потом — нот. В России — специальными знаками, называемыми «знаменами». Ими обозначали как отдельные звуки (например, посредством знаков «столица», «крюк», «статья»), так и сложные фразы («лица» и «фиты»). Некоторые знаки были особыми, тайнозамкнутыми, то есть их могли прочесть лишь посвященные. Нотации делились по видам песнопений на кондакарные, демественные, путевые, знаменные. Так создавались и записывались церковные службы

русским святым, языком молитвы-песни рассказывалось об истории Руси, ее борьбе с врагами, народных идеалах и героях. Практически все эти песнопения были упразднены приказами Алексея Михайловича и Петра I в ходе многолетней церковной реформы.

Пели на службах мужчины. Женщин на старообрядческие клиросы допустили только после Первой мировой войны. Для России это характерно: религия — как явление серьезное, основательное, традиционное — была делом по преимуществу мужским. Такое доминирование ослабло лишь в XX столетии с его войнами, революциями и кризисами. Христианство стало более сентиментальным, чувственным, а церковная музыка приобрела новые европеизированные, соответствующие женской религиозности черты.

Что касается нашей древней музыки, то ее словоцентричность, суровая красота и торжественная мощь оказали значительное влияние на русскую народную песню, которую тоже отличают сердечная глубина и лирическая протяжность.

Пожалуй, самая авторитетная книга по истории древнерусской музыки — «Богослужбное пение Рус-

ФОТО: ЮРИЙ КАВЕРИНА НОВОСТИ

ской православной церкви» (1977). Автор, Иван Гарднер (1898–1984), покинувший Россию после революции 1917 года, исследовал период кондакарного пения, вышедшего из обихода после XIII века. На Русь оно было привнесено из Византии через Болгарию, существовало одновременно с русским знаменным или столповым распевом. Знаменный распев господствовал до конца XV столетия, имел некоторые особенности в Новгороде, Ростове, Москве, на Русском Севере. Примерно тогда же создавался демественный распев — его использовали преимущественно во время торжественных служб, например, в присутствии царя. Для этих могучих, исполненных особой выразительности песнопений характерны скачки на октаву, широкий голосовой диапазон — от низкого баса до высоких теноровых нот.

Путевой и большой знаменный распевы предназначались для длительных, насыщенных глубоким богословским смыслом произведений. В XVI веке разновидностей пения существовало множество: наонное и наречное, весьма модное при царском дворе — строчное... Зародилось раннее русское многоголосье.

К началу погрома аутентичной русской музыки она находилась в расцвете. Возникла «международ-

ная» конкуренция: через Украину и Польшу в Россию прибывали певцы, обученные партесному (разбитому на партии) пению. В их «репертуаре» были слащавые, затейливые мелодии, исполняемые на 6, 8 и даже 16 голосов. Новинка поразила патриарха Никона, который завел у себя партесный хор. Такие же появились при дворе. С середины XVII и до последней четверти XVIII века на Руси господствовал украинско-польский партесный стиль. На русскую музыку объявили гонение. Поскольку ее исполняли преследуемые государством старообрядцы, она стала «вражеской».

Позже, до второй четверти XIX столетия у нас доминировала итальянская музыка. Композиторы с Апеннин сочиняли в основном для театра, но заодно творили и для церкви. А еще позднее началось господство немецкого канта (распева) и протестантского хора. Ни одна восточная церковь, кроме русской, не привечала у себя исполнителей протестантских мелодий или многоголосных песнопений. Греки, болгары, сербы и другие православные народы остались при старом, одноголосном.

В начале XX века русские попытались вернуться к истокам — в архитектуре, живописи, музыке. Очень ярко проявила себя московская школа композиторов, таких

как Александр Архангельский, Павел Чесноков, Александр Гречанинов. Они написали немало произведений в народном стиле, используя древние знаменные мотивы. Начавшийся было ренессанс прервала революция. Русская церковь на 70 лет утратила всякую инициативу в сфере музыки, на клиросах исполнялось все, что находилось в нотных библиотечках, в том числе сочинения итальянских композиторов, песнопения Придворной певческой капеллы в немецком стиле. Период эклектизма продолжается по сей день. Настоящий знаменный распев исполняется лишь старообрядцами и единоверцами.

До сих пор вопрос о музыкальном синтезе, который поставили в первые годы прошлого века композиторы московской школы, остается открытым. Мы все так же остаемся в плену западноевропейских стереотипов. Всюду — на площадях и улицах русских городов, в культурно-развлекательных и торговых центрах, в кинотеатрах и на стадионах, в будни и праздники — звучат в основном чужие мелодии. А свои, народные, классические и даже современные, стилизованные под фольклор, — намного реже. Молодежь, самозабвенно слушая иностранных кумиров, ритмически, интонационно, ментально воспитывается в их же духе. И это — не «доморощенное» наблюдение, к похожему выводу некогда пришел Вольфганг Амадей Моцарт: «Музыка — самая тесная связь с народом. Она может изменить его взгляды, подарить новое мировоззрение, заставить любить что-то новое, наставить на другой путь».

Самобытность в искусстве не менее важна, чем независимость экономическая или политическая, а подлинное возрождение великой державы возможно лишь при условии бережной заботы о национальной культуре, любви к родным просторам и своему народу.

Стоп-кадр

26
апреля
80
лет со дня
рождения

«Бег»

Владислав Дворжецкий: «Бег» с препятствиями

Николай Ирин

Владислав Дворжецкий — возможно, самый нетипичный актер национального кино. Всеми профессиональными канонами, какими, возможно, он пренебрег. И обошлось при этом без скандалов, низкопробных сенсаций. «Молчать так, чтобы от тебя нельзя было оторвать глаз. Это редчайшее свойство, сродни гипнотическому...», — вспоминает режиссер Владимир Наумов, открывший для страны Дворжецкого в их совместной с Александром Аловым экранизации булгаковского «Бега».

БУДУЩИ представителем блистательной актерской династии, он не получил системного и, как ни крути, жизненно необходимого звезде первого эшелона театрального образования в одной из двух наших столиц. За плечами у него оказалась лишь актерская студия при Омском ТЮЗе, да и та — в довольно зрелом возрасте.

Мосфильмовский ассистент по актерам Наталья Коренева для ленты «Каждый вечер в одиннадцать» искала по всему Союзу эффектного мужчину, выступавшего в ампула антигероя. Омские мастера сцены с готовностью указали ей на Владислава, который после студии ролей в театре почти не имел, зато статью и манерами мог оказаться полезным москвичам-кинематографистам. В «Каждом вечере» Дворжецкий не сыграл, однако несколько позже,

«Возвращение «Святого Луки»

«Земля Санникова»

исполнив роли белогвардейского генерала в «Беге» и вора-рецидивиста в «Возвращении «Святого Луки», подтвердил верность направления поиска Кореновой — «хладнокровный злодей», каких мало. Впрочем, ощущение возникает амбивалентное: его преступники — не одномерные, «с объемом», словно продолжающие романтическую традицию, выраженную словами «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

И Роман Хлудов, и бандит Михаил Карabanов, видя собеседника насквозь, презирают людей корыстных, мелочных, подловатых. Первым киноперсонажам Дворжецкого свойственны размах и своеобразный внутренний стержень. «А душа у тебя, есаул, болит когда-нибудь?» — интересуется Хлудов у адъютанта. Артист настолько убедительно преодолевает дидактику исходного текста, что вопрос, кажется, адресуется зрителям. «Никак нет, зубы болят», — острит в

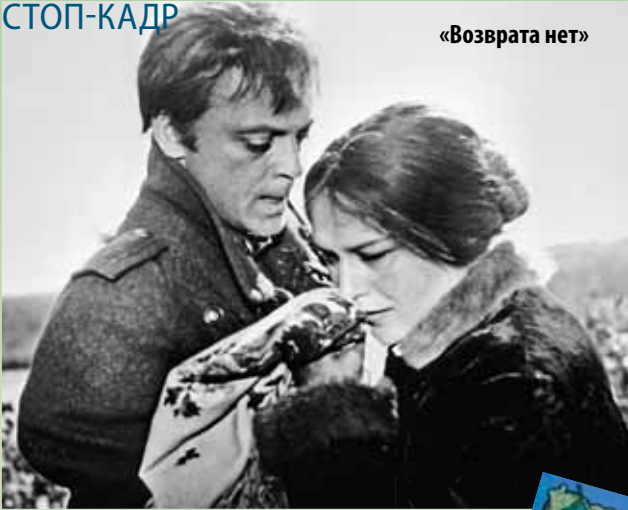
ответ мастер эксцентрического диалога Михаил Булгаков. Однако в экранизации у Алова и Наумова выходит совсем не смешно: Дворжецкий отягощает и эту сцену, и картину в целом присущим ему метафизическим беспокойством.

Главное качество Владислава Вацлавовича — способность одним лишь внешним видом, без специальных актерских приспособлений и ухищрений, напоминать нам о нематериальном и потустороннем. Уникальный силуэт эмблематичен, моментально узнаваем. Герой Дворжецкого — словно вестник нездешних сил, судья или даже, может быть, палач. Когда приват-доцента Голубкова (тот было сорвался на истеричные угрозы, спровоцированные вестью о возможном расстреле дорогой ему Серафимы Корзухиной) генерал резко обрывает словами «ведите себя как мужчина», моментально происходит переоценка образа: оказывается, в ситуации братоубийства и все-

общего предательства Хлудов одним ясно осознает масштаб трагедии, смотрит в бездну, не отворачивая взира, не дурманя себя ложными надеждами, не разыгрывая — подобно всем прочим героям исходной пьесы и фильма — частные мелодраматические или комические сюжеты. Он — исторический и мистический человек одновременно. Совершает неподражаемые переходы от социально-политической трезвости, состояния «здесь и сейчас», к визионерскому трансу. «У меня есть манера бормотать во сне. Я спал», — невозмутимо комментирует Хлудов, отвечая на претензию Корзухиной, которую великодушно, на последние деньги вывел в цирк развлечься. Между тем ни о каком сне речи нет: белый генерал постоянно существует на границе двух миров, попеременно заглядывая то сюда, то «туда», к потусторонним духам, не обещающим ничего хорошего. Владислав Дворжецкий оказался идеально приспособлен к такой роли всем своим существом.

Вторая его особенность — вопиющая серьезность. В одном из первых интервью внезапно прославившийся актер рассказал об интересе к комедийному жанру, о желании когда-нибудь попробовать силы в смешном кино. Наверное, тут отразилось нечто компенсаторное: жить и чувствовать в режиме перманентной внутренней строгости чрезвычайно трудно. Но представить себе Дворжецкого смешающим публику — абсолютно невозможно. Его душевный строй подчинен борьбе за признание значительности всяких бытийственных проявлений. Персонажи Владислава Вацлавовича размышляли на тему «непреходящей загадки», «высшей тайны», а смех, карнавальность — это нечто совершенно противоположное: срывание покровов, сомнение в серьезности намерений Творца.

С кинорежиссером, старшим современником Андреем Тарковским

у них было схожее мировоззрение. Поэтому их встреча на съемочной площадке являлась неизбежной. Андрей Арсеньевич, трепетно относившийся к подбору исполнителей, требовавший от них не столько техники игры, сколько творческого единomyслия, закономерно опознал в актере человека, близкого по духу, способного решать задачу по дешифровке неизъяснимого. В «Солярисе» Дворжецкий играет пилота Анри Бертона — тот как раз столкнулся с чем-то находящимся за пределами человеческого разума.

Парадоксальный факт: первые три картины с его участием поистине легендарны, любимы многими поколениями и по сей день смотрятся на одном дыхании, но впоследствии — несмотря на занятость в фильмах таких мастеров, как Алексей Салтыков, Юрий Егоров, Владимир Фетин, — он больше не участвовал в подлинно выдающихся кинопроектах. «Земля Санникова» и «Капитан Немо» — своего рода визитные карточки Дворжецкого, однако в плане художественной цельности и поэтической мощи едва ли способны конкурировать с тремя шедеврами начала 1970-х.

В чем дело? Видимо, в том, что с наступлением новой, «материальной» эпохи прежняя лирика-поэтика стремительно размывалась, а порою даже высмеивалась. Бескомпромиссный идеализм находил теперь применение лишь в приключенческом, «детско-юношеском» жанре. Ссылный российский ученый, страстно увлеченный поиском таинственной земли, героический советский летчик-испытатель («За облаками — небо», «Там, за горизонтом»), индийский принц, вступивший в борьбу с колонизаторами и построивший невиданный доселе подводный корабль, — такие образы идеально подходят артисту с исполненными магнетизма глазами, умением держать мистическую паузу. Уникальные свойства упорчивали популярность, но в

то же время канонизировали его личные штампы, тормозя развитие в каком-либо ином направлении. В этом контексте несколько забавно звучит реплика Хлудова, который осадил заикнувшегося о его аресте главнокомандующего: «Произойдет большой скандал: я популярен».

Дворжецкий сыграл сравнительно немного ролей, но слава его велика. Сетевые ресурсы полнятся воспоминаниями бывших восторженных девушек и юношей: когда-то они покупали фотокарточки, вырезали и подшивали интервью, по крупницам собирали малейшие сведения об актере-человеке не от мира сего. До сих пор люди помнят давние впечатления и за этот трепет бесконечно благодарны — учитывая, что десятилетия, прошедшие после безвременной кончины Владислава Вацлавовича в 1978-м, не прибавили ни горячих фактов, ни сколько-нибудь интригующих деталей. Отсмотрев все фильмы о нем, перечитав доступные, связанные с его именем мемуары, пытаешься установить некие причинно-следственные нити судьбы и — все впустую: связи не очевидны, мотивы тех или иных решений не вполне понятны.

К примеру, выясняется, что на пике славы его, не вполне устроенного в быту, приглашали в театры на Малой Бронной и Моссовета Анатолий Эфрос и Юрий Завадский. Предлагали хорошие условия, включая жилплощадь, в которой он нуждался, интенсивный график работы. Дворжецкий в обоих случаях отказывался. Казалось бы, как же так — от предложений подобного рода не отмахиваются, далеко не всякого позовут режиссеры первой величины, труппы с гордыми именами и фанатично преданными зрителями... С ходу приходят на ум два объяснения. Во-первых, Дворжецкий не имел надежной театральной выучки и мало-мальски серьезного сценического опыта. Мно-

гие работавшие с ним люди отмечали и его неуверенность в себе, например — припомнивший съемочную площадку «Бега» Владимир Наумов: «Я ему еще ничего не сказал, а он уже затревожился, что сделал что-то не то».

Второе объяснение связано с фигурой отца, которая в нашем случае невероятно значима. Вацлав Янович был личностью на редкость мощной, да попросту негибимой. В 19 лет, отучившись в Киевской театральной студии и поступив в политехнический институт, был арестован за участие в нелегальном студенческом кружке, освобожден в 1937-м, а в 1941-м попал за решетку повторно. В общей сложности провел в лагерях 13 лет. Впоследствии стал ключевым артистом провинциальных театров — Омского, Саратовского, Горьковского, — регулярно снимался на ведущих киностудиях страны, сыграв, начиная с 1968-го, 79 ролей. На подмостках же их было 122! И в Омске, и в Горьком ходила байка: «В театре столько-то народных, столько-то заслуженных и один — настоящий». Ни дать ни взять — патриарх сцены. При этом Дворжецкий-старший не имел обыкновения сколько-нибудь поддерживать старшего сына в его сравнительно поздно обнаружившемся влечении к актерству. В конце концов в Омскую студию при ТЮЗе Владислава определила преподававшая там мама — балерина, — когда он прошел уже немалую часть жизненного пути, которая включала в себя учебу в военном училище и службу в качестве фельдшера на Курилах и Сахалине.

Создавший новую семью отец, судя по всему, никогда, ни при каких обстоятельствах сына-актера не хвалил, не поощрял, искренне полагая, что подлинный артист — лишь тот, кто служит в театре, где за типажными достоинствами не спрячешься.

Сохранились воспоминания друзей и коллег, согласно которым Владислав Вацлавович часто повторял: так и не понял, дескать, актер я или нет. Миллионы зрителей рукоплескали ему, а он фиксировал в дневнике задним числом свои самые сильные впечатления от первых съемочных дней у Алова и Наумова и сравнивал с куда менее удачным опытом последующих картин: сначала, мол, дали

в пользование целую Луну, а потом отобрали. Наверное, мы вправе трактовать независимую позицию не спешившего вписаться в московскую театральную жизнь артиста как некий жест во взаимоотношениях с властным, сильным, талантливым отцом.

Все мемуаристы отмечают потрясающее хобби Дворжецкого-младшего: в свободную минуту, на съемках или на досуге, он любил вязать — свитера и кардиганы, платья и модные кофточки для знакомых актрис. Делал это ловко, качественно, увлеченно, предварительно снимая мерки и профессионально конструируя в уме модель одежды. Если самому что-то не нравилось, то мог в одночасье сложное вязание распустить. Возможно, столь нетрадиционное увлечение безукоризненного мужика сигнализирует в первую очередь о глубинной полемике с отцом и одновременно о внутренней солидарности с матерью, у которой как раз и научился «второму ремеслу». Вести себя наперекор авторитетным, программирующим ожиданиям — не всегда признак сильной личности и зрелого ума, однако в случае Владислава Дворжецкого все, похоже, обстоит именно так.

Опыт независимого существования накапливался по мелочам. Со временем это впечаталось в жест и взгляд, после чего артист — мастер утонченной, но убедительной внешней формы, а вместе с тем медиум, наш проводник в зазеркалье — наделил ими всех своих экранных героев. Его отец был злым кинолюбителем, оставил после себя большой фонд 16-миллиметровых пленок, где во всех подробностях запечатлен семейный быт: он сам, жена Рива Левите, их сын, знаменитый в будущем артист Евгений Дворжецкий. Владислав там тоже есть — иногда подыгрывает родителю. Тезис последнего — «Кино — это вообще ерунда» — остроумно воплощен в узкоплечном междусобойчике. Владислав Вацлавович, однако, выиграл спор о природе творчества и возможностях разных видов искусства: ролей — немного, активной работы в большом кино — всего-то восемь-девять лет, но легенда жива, а образ человека глубокого и всеобъемлющего — в нашей коллективной памяти.

Ретроспектива

ФОТО: В. УВАРОВ/РИА НОВОСТИ

ММКФ

«Судьба человека»

покорился «Судьбе»

Валерий Бурт

Дебютный Московский кинофестиваль прошел в 1935-м, однако согласно принятой нумерации форума первым считается ММКФ 1959 года, чей лозунг звучал так: «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами».

ТО ВРЕМЯ для многих советских людей было весьма необычным, волнующим, исполненным надежд. Прежде полузакрытый для остального мира Советский Союз сначала робко, затем все решительнее распахивал перед ним свои окна и двери.

В 1957-м в Москве прошел Фестиваль молодежи и студентов. Вскоре наш фильм «Летят журавли» завоевал в Канне «Золотую пальмовую ветвь» (1958). Международный конкурс имени Чайковского привлек на свою сцену великолепных виртуозов со всей планеты, а Большой театр стал постоянным гостем в западноевропейских странах.

1959-й был отмечен не менее впечатляющими событиями. К примеру, Christian Dior устроил в нашей столице показ мод, американцы — национальную выставку, на которой были представлены автомобили, одежда, бытовая техника и даже компьютеры.

С официальным предложением провести в Москве международный кинофестиваль первой выступила министр культуры СССР Екатерина Фурцева.

Форум открылся 3 августа во Дворце спорта в Лужниках. К участникам и гостям обратился глава государства Никита Хрущев: «В наше время кино стало важнейшим и самым массовым из искусств, так как оно обращается к мыслям и чувствам миллионов людей, оказывая глубокое влияние на их умы и сердца. Киноискусство стало могучей духовной силой и важным средством общения между народами». Всего зрители посмотрели около двухсот кинолент, 88 из которых вошли в конкурсную программу.

Открывала ММКФ Фурцева, флаг форума поднимал народный артист СССР Сергей Бондарчук, представивший на суд жюри собственный фильм «Судьба человека». Пронзительная картина, снятая по рассказу Михаила Шолохова, изначально считалась фаворитом кинофестиваля.

«Нужно откровенно признаться, что наряду с хорошими и значительными произведениями были показаны посредственные и даже слабые, — писал в те дни критик Георгий Стоянов-Бигор. — Это, на мой взгляд, относится и к нашей болгарской, а также к румынской, чехословацкой и немецкой кинематографии. Они не представили интересных, значительных произведений искусства. Советская печать, мне кажется, отнеслась слишком снисходительно к оценке многих наших кинофильмов. Я думаю, что после таких фильмов, как «Судьба человека» и «Коммунист», никто не имеет права пользоваться стандартными драматургическими приемами или механическим копированием неореализма».

Разглядывая сегодня черно-белые фестивальные фотографии, испытываешь смешанное чувство

любопытства и ностальгии. Вот — крепкий и жизнерадостный Борис Андреев, а вот — обаятельная Зинаида Кириенко, ослепительная Элина Быстрицкая, изящная Людмила Гурченко, два солидных мэтра — Сергей Герасимов и его тезка Юткевич, вальяжные французы Робер Осейн и Кристиан Жак.

Чтобы увидеть звезд, любители кино устраивали многочасовые дежурства у «Ударника», на Красной площади, возле ГУМа. Если же удавалось еще и взять автограф, то счастьем киноманов не было предела.

Зарубежных знаменитостей на фестивале оказалось не то чтобы очень много, но и не сказать, что совсем мало. Тепло приветствовали, помимо перечисленных, итальянку Джульетту Мазину, французенку Николь Курсель, англичанку Кэрол Лесли. Прибыл в столицу Советского Союза и седовласый французский режиссер Абель Ганс, предвосхитивший в фильме «Наполеон» появление широкого экрана.

Эпоха визитов ослепительных и неподражаемых — Джини Лоллобриджида, Софи Лорен, Элизабет

Тейлор, Жана Маре, Симоны Синьоре, Анны Маньяни, Микеланджело Антониони, Федерико Феллини, Ива Монтана, Марчелло Мastroяни и многих других — наступит позже.

А в 1959-м в Москве также побывала Марина Влади, еще совсем молодая, едва за двадцать, уже успевшая сыграть во французском фильме «Колдунья». В титрах было сказано, что это экранизация повести Куприна «Олеся», хотя от текста Александра Ивановича осталось в этой адаптированной к западным реалиям «экранизации» всего ничего. Зато там сверкали таким мистическим озорством глаза будущей жены Владимира Высоцкого, мелькала ее белокурая грива.

По приезде к нам Влади пользовалась повышенным вниманием, ее фотографии мелькали в газетах. Но куда более популярной была в СССР супруга Федерико Феллини — Мазина, получившая прозвище «Чаплин в юбке». В одном из интервью Джульетта, окончившая в Римском университете филфак, призналась в любви к русской литературе: «Я очень люблю Достоевского, Льва Толстого. Но, пожалуй, ближе всего мне Чехов и чеховский театр. Я играла Ирину в «Трех сестрах», Соню в «Дяде Ване». Очень

Э. Быстрицкая и Н. Курсель на приеме в день открытия ММКФ. 1959

ФОТО: МИХАИЛ ОЗЕРСКИЙ/РИА НОВОСТИ

хотелось бы сыграть в «Чайке». Чехова очень любят в Италии. Его мягкость и тонкость, его психологизм и грустноватый юмор очень близки итальянцам». По словам Мазины, ей очень понравилась Москва, особенно ее величественная Красная площадь в тихие ночные часы. Актриса также призналась: «Огромное впечатление произвела на меня короткая поездка в Ленинград — город необычайной красоты. Хочется вновь приехать к вам...»

«Фестиваль 1959 года — это было нечто! — вспоминал кинокритик и переводчик Александр Брагинский. — Перед началом фильма гости выходили на сцену — и молчали, а кто-то из нас представлял их: «К вам приехали ведущие актеры и режиссер фильма, который вы сейчас будете смотреть и получите большое удовольствие». Все хлопали, гости кланялись, и вся наша делегация удалялась в соседнюю комнатку, где нас хорошо очень угощали».

События первого ММКФ запечатлел документальный фильм «Звезды встречаются в Москве», поставленный режиссерами Василием Катаняном и Владимиром Бычковым.

Кинофестиваль завершился 17 августа. Жюри под руководством Сергея Герасимова присудило глав-

ный приз «Судьбе человека». Золотых медалей удостоились «Мы — вундеркинды (ФРГ)», «Бегство из тени» (Чехословакия). Ту же награду получила лента «Настанет день» (Пакистан) — в этом случае организаторы продемонстрировали известное великодушие.

Оценивая конкурсные работы, хозяева форума явно не скупилась на призы. Серебряные медали увезли с собой представители Монголии, Северной Кореи, Китая, Польши, Индии, Великобритании. В конкурсе короткометражных фильмов победила лента «Вода приходит в Бакхынгхай» о строительстве канала Бакхынгхай из Демократической Республики Вьетнам.

ФОТО: МИХАИЛ ОЗЕРСКИЙ/РИА НОВОСТИ

Оператор В. Монахов, режиссер С. Бондарчук и А. Голованов. 1959

О. РЕНУАР. ПОРТРЕТ АЛЬФРЕДА БЕРРА С СОБАКОЙ, 1881

Лапа на память

Михаил Булгаков

ЕСЛИ приглядеться повнимательнее, то в свойственной многим людям страсти к памятным безделушкам можно увидеть не только восходящую к папуасам инфантильность или заурядное скопидомство. Иногда какая-нибудь пустопорожняя вещица кочует вместе с хозяином годами, а то и по всей жизни, и человек уже не в силах объяснить свою нелепую привязанность. Ко всему: к шерботому мраморному слонику, крепко помятому портсигару с «Тремя богатырями» на крышке или к пыльной коробочке с пустым флаконом, давно не благоухающим духами «Красная Москва».

Сувенирный промысел хотя и подвержен моде и вкусам, но процветает во все века и на всех континентах — в угоду неистощимой жажде людей приобретать «на память» что ни попадя. Я тоже не лишен этой слабости, но к покупным сувенирам отношусь с прохладцей. В лавках и на лотках их навалом, и обилие безделушек-близняшек смешит своей многотиражной никчемностью, а память — вещь штучная, у всех своя.

За стеклами моего книжного шкафа много лет живут разноцветные дикие камушки с безлюдных берегов Амура и Индийского океана, винтовочный патрон с некогда уготованной по мою душу пулей, упругий черный веер из хвоста вологодского глухаря с белыми пестринами-кружевами. Еще есть граненый кованый гвоздь-двухсотка из стены каргопольского лагерного барака; кнут, которым я когда-то (на работе по дешифровке аэро-снимков) охаживал крутые бока своего тезки Мишки — кубанского жеребца-неслуха; армейский ре-

мень с давленной советской звездой на медной бляхе.

Лет двадцать кряду пугал дома гостей, особенно визгливых барышень, огромной лапой филина, богато оперенной и с невероятно острыми когтями-крючьями. Ни коллеги-геодезисты, ни заядлые грибники, ни даже друзья-охотники никогда не видели эту птицу и с трудом верили, что страшная лапа принадлежала именно ей, а не орлу или ястребу. Кто-то из знакомых вспоминал, что часто слышал загробный голос филина чуть ли не в ближнем Подмосковье, но веры в это мало — по вечерам в лесу гудят-бубнят и ушастые совы, но куда им до сурового пернатого отшельника...

Однажды мама с ужасом обнаружила в пушистых перышках на лапе мерзкие блошинные гнезда и, вспомнив войну с немцами и оккупацию, брезгливо избавилась от блох вместе с лапой. Жаль, конечно, но память надежней и живучей того, что можно потрогать руками.

Филина, чью конечность я привез в Москву из архангельского леса, притащил с глухариного тока Лев Григорич Шорохов, предводитель нашей охотничьей компании. Он убил его в сентябре на черничнике, посреди соснового бора, где веснами токовали глухари. Теперь хорошенько не помню, но, по-моему, то-

гда у хищных птиц уже появились заступники-орнитологи и резонно доказывали ничтожную вредоносность как соколов-ястребов, так и филинов. Но что было делать, если в далеком розовом детстве нашему охотничьему командору те же орнитологи пели совсем другую песню: «Охотник! Повсеместно уничтожай дневных и ночных пернатых хищников — злейших врагов певчих и охотничье-промысловых птиц!».

Лев Григорич достал из выцветшего солдатского вещмешка головастое чудо-юдо с длинными ушами-пучками и мстительно щелкнул филина по лбу: «Отвоевался, голубчик! Больше не будешь потрошить глухариные выводки». Не знаю, как уж он исхитрился подстрелить его среди бела дня на пустынном осеннем токовище. Странно и то, что после этого случая не только филины, но и глухари там словно сквозь землю провалились.

Здоровенный хищник даже мертвый сохранял грозный вид, из него получилось бы роскошное пугало, но секретами таксидермии мы тогда не владели, и мне на память осталась лишь когтистая лапа. Забавляясь, я хватал ею большое яблоко, резко дергал за высушенное сухожилие, и когти глубоко, с брызгами вонзались в сочную мякоть.

Филинов мы больше никогда не стреляли, хотя через несколько лет одна возлюбленная пара этих обычно скрытных птиц облюбовала укромное место неподалеку от нашей лесной избушки. Иногда во время вальдшнепиной тяги из темной чащи доносилось их уха-нье, раздавались загадочные звуки, отдаленно похожие на отрывистый вой бездомной собаки.

Не один раз я видел в сумерках, как филин, усевшись пеньком на дереве, рвал когтями и клювом пойманную полевку или водяную крысу, но чаще всего ночные деяния и злодеяния парочки были сокрыты мраком и никакого беспокойства нам не причиняли. Зато с наступлением ночи ее таинственные голоса дарили чуточку давно забытого страха из услышанных или прочитанных в детстве сказок.

Удивительно, что вольготной жизнью в полной безопасности филины пользовались из рук вон плохо. Если и размножались, то их потомство куда-то бесследно исчезало — других мы поблизости не видели и не слышали. «Чужого» я встретил весной спустя много лет, и было это как раз на глухарином току. Добравшись до места загодя и высмотрев среди болота кочку покрепче, отоптался и, вопреки уставу правильной охоты, стал дымить папироской в кулак. Бог его знает, может, здешние глухари за много лет нашего пребывания привыкли к табачному дыму или совсем его не чувствуют, но, наверное, я все же правильный охотник и курю на расстоянии от них.

Погода стояла тихая, сырая, небо — в низких облаках. Откуда-то издали послышался знакомый глухой голос, и легкая смута шевельнулась в душе. Еще в городе я прочитал в журнале яростный «памфлет» известного охотника против кровожадного филина и стал ждать от него какой-нибудь гадости. Однако в урочный час сначала один глухарь, а за ним второй и третий защелкали как ни в чем не

бывало, следом отозвались копалухи. Далекое филлин умолк, но скоро объявился совсем близко, прилетев откуда-то с противоположной окраины тока. Глухари мигом насторожились. Затаился и хищник. Взрослый глухарь силушкой не обделен и своим могучим клювом может выдрать глаз, а то и запросто расколоть черепушку филину, но драться предпочитает исключительно из-за дам — в рыцарских поединках с другими петухами.

Четверть часа никто из птиц не подавал признаков жизни. Надежда на удачную охоту таяла, но из-за леса на ток примчались две запыхавшиеся глухарки и, не ведая об опасности, учинили меж собой сварливый базар. К ним тотчас приобщилось все благородное глухариное собрание, а я, половчее перехватив ружье, крадучись двинулся к ближнему глухарю. Ватно-мягкий мох идеально подходит для скрадывания, но глухари чохом снялись с сосен и разлетелись кто куда. А через ток прямо на меня, плавно вздымая крылья, летел филин. В анфас его очертания с опущенными к земле клинчатыми крыльями то и дело напоминали букву «П». Вмиг подумалось, что в такую мишень не попадет и снайпер, хотя сам я о стрельбе и не помышлял. Филин с превеликим спокойствием, бесшумно проплыл над головой и скрылся в старом ельнике на краю тока.

Сожаления от загубленной охоты не было, его поглотило упоение нечаянным соглядатайством. Безмолвие ружья стало ответом на журнальную анафему («Лупоглазый душегуб, нечисть, тварюга» — разбойник Филька-Шкворень, да и только). Реакция получилась невнятной, но гуманной. Могучий, гордый филин не чета какому-нибудь вонючему клопу или назойливому комару, чтобы его прихлопнуть за здорово живешь. Тем, кто вырывается на глухариную охоту на день-другой, дорог каждый выстрел, каждый миг удачи. А когда в запасе пять-шесть зорь, досады от незадавшегося промысла нет как нет. И пусть филин по-прежнему будет бубнить и будоражить лесных обитателей: «Бу-ху-бух, ху-бу-хуб». Иначе, спрашивается, какой же это северный лес?

Ученые люди выявили, что в самых глухих местах не сыскать больше одного-двух филинов на целую сотню квадратных километров, а на глухарей в богатом районе этого хищника приходится единственный заваливающий процент. Выходит, филин-черт не так страшен, каким его малюют. Недаром даже в чопорной латыни для него нашлось симпатичное и веселое имя *Vubo vubo*. А вот любезного охотникам глухаря латынь почему-то не пощадила — назвала мрачными на русский слух словами *Tetrao urogallus*.

ФОТО: PHOTOPRESS

«Зачем скоромное, если и без того все вкусно»

Максим Сырников

Вспоминая о традиционных русских яствах, разрешенных верующим в Великий пост, Иван Шмелёв в «Лете Господнем» писал: «Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно? Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки...»

А ЖАРЕНАЯ гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то «коливо»! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а ...великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, маринованными огурчиками».

Из всего перечисленного (великопостный шмелёвский список дан в сокращении) возьмемся приготовить необычное по теперешним временам блюдо — похлебку с соленьями, калью. Два века назад она представляла собой, как правило, растертую и сваренную в рассоле с квасом паюсную икру. А во времена «Домостроя» в рецепте кальи могла значиться и пернатая дичь. В любом случае должны присутство-

вать огуречный или капустный рассол, а также лук. Наличие паюсной икры — не догма, подойдет и та, что подешевле.

Рыбу выпотрошим, очистим, промоем и положим в кастрюлю, зальем четырьмя тарелками холодной воды. Доведем до кипения, снимем пену и будем варить на несильном огне 30 мин. Вынем из готового бульона рыбу, удалим кости, а мякоть разберем на небольшие куски. Бульон процедим. Икру разотрем деревянной ложкой или толкушкой до пастообразного состояния и добавим в бульон. Огурцы очистим от кожицы, разрежем пополам, удалим дряблую серединку, лук нарежем тонкими кольцами, то и другое положим в кастрюлю. Туда же вольем рассол, поперчим.

Доведем бульон до кипения и станем варить на слабом огне 30–40 мин.

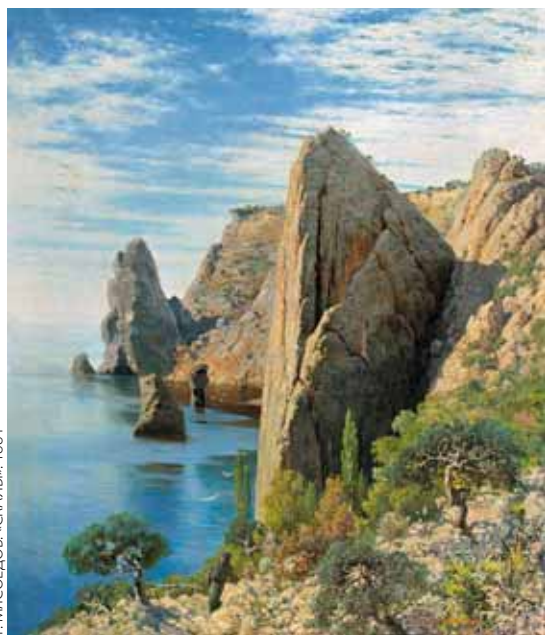
Калья

На 4–6 порций:

- * 1 кг жирной рыбы (палтус, лосось, форель)
- * 150 г икры любой речной или морской рыбы, свежей либо малосольной
- * 1 средняя луковица
- * 3 средних крепких соленых огурца
- * 1 стакан огуречного рассола
- * молотый черный перец
- * лимон для подачи (по желанию)

Г. МЯСОВЕДОВ. «СКАЛЬ» 1884

Свой

АПРЕЛЬ 2019

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Нарнии